

Протоиерей Андрей Ткачев

ЧЕЛОВЕК ВАЖНЕЕ ВСЕГО

РАЗМЫШЛЕНИЯ
О ЖИЗНИ

Издательство
Московского
Патриархата
Русской
Православной
Церкви

Андрей Ткачев
Человек важнее всего. Размышления о жизни
Серия «Православие в жизни»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17199236

*А. Ткачев. Человек важнее всего: Размышления о жизни: Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви; Москва; 2016
ISBN 978-5-88017-520-8*

Аннотация

Перед вами новая книга известного проповедника протоиерея Андрея Ткачева. О чем она? Обо всем, чем мы живем, что окружает нас в этом суетном мире. О ценностях, мнимых и истинных. О том, что такое настоящая жизнь и истинное счастье. О свободе духа, которая возможна, говорит автор, лишь в единении со Спасителем, Господом нашим Иисусом Христом.

Содержание

Человек важнее всего	5
Благословенная сложность бытия	12
Отраженная действительность	15
Не будьте как лицемеры	17
Мужская религия	19
О беде без страха	21
Напоминание	23
Бедные или богатые?	25
Верность	27
Блудный сын	30
Три сотника	32
Победы и поражения	35
Вопрос Стива Джобса	37
Настоящая жизнь	41
Церковь держит всё	43
Быть счастливым	46
«Доколе ты будешь пьяною?»	48
Грехи малые	51
Горькие плоды цивилизации	53
Средневековый человек	55

Андрей Ткачев
Человек важнее всего:
Размышления о жизни

© Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2016

* * *

Человек важнее всего

В конце 1960-х в мировой кинематограф ворвался Брюс Ли. Загадочный Восток в его подаче приобрел боевую окраску. По – явился и быстро развился новый жанр кино – «кун-фу фильм». Вслед за кошачьими криками с экрана и молниеносными движениями бьющих рук и ног последовала волна массового увлечения боевыми восточными единоборствами. Дошла эта волна со временем и до Советского Союза. Дошла с заметным опозданием из-за железного занавеса и, следовательно, информационной закрытости, но дошла. И тысячи молодых людей ушли в подвалы, чтобы бить боксерские груши и выжимать штанги. Ушли в парки и скверы, чтобы по утрам делать растяжку и разучивать непривычные движения. Многие со временем вопреки дефициту тренеров и отсутствию материальной базы достигли немалых успехов. И вот перед мысленным взором тех, кто достиг успехов, возник вопрос: что дальше? «Я умею бить. Теперь нужно понять: кого бить? Или – зачем бить?»

Те, у кого возник вопрос «кого?», со временем могли найти применение полученным навыкам в различных «бригадах». Страна разваливалась, и вскоре возник хороший спрос на умение действовать кулаком и пяткой, локтем и ребром ладони. А вот у тех, кто спрашивал «зачем?», все было сложнее и правильнее. Они поняли, что невелик подвиг сломать человеку нос или ребра. Они стали почитать не только методички по технике нанесения ударов, но и философскую литературу. А литература эта, между прочим, говорила, что лучший бой – тот, который не состоялся; что думать важнее, чем бить; что самая важная победа – над собой... Так мысленное поле одних сузилось до прикладных задач, а других – расширилось до серьезных вопросов.

Точно такой же механизм – в самых разных видах человеческой деятельности – относительно всего чего угодно.

Например, относительно богатства.

Богатство – это категория, несомненно, философская. В общем, богат не тот, кто имеет много, но тот, кому хватает того, что есть. Но с точки зрения грубого материализма, владелец стада коров богаче обладателя одной коровенки. И тут мы натываемся на специфическую проблему. А именно: богатство располагает к философии, то есть к размышлению о смыслах. Богатство рождает вопрос «зачем?». Точно так же, как человек, овладевший приемами борьбы, спрашивает себя, что теперь с этими навыками делать.

У владельца одной коровы такие вопросы не возникают. Его корова – главный признак достатка, она – кормилица. А вот владелец целого стада должен думать: зачем ему это стадо и что дальше... Есть, конечно, очень простой ответ: хочется быть еще богаче, иметь еще одно стадо. Но это тупиковый ответ. Потому что, мысленно двигаясь этим путем, мы придем к третьему стаду, четвертому... В конце концов придем к обладанию всеми коровами мира. И вот тогда-то, когда в области ума вопрос получит абсурдный ответ, вопрос «зачем?» засияет с новой силой, почти убийственной.

Богатому человеку нужно или найти готовую идею, или придумать свою собственную, но так, чтобы эта идея оправдывала богатство в его собственных глазах. Думать надо.

Кстати, думать очень тяжело. Богатый человек знает это лучше бедного. Всю жизнь, со времени обретения богатства, он чувствует себя заложником своего движимого и недвижимого имущества. Он чувствует себя приставником к имению, почти обслуживающим персоналом, напичканным то страхом, то гневом, то завистью, то расчетом. Голова пухнет, виски седеют, сон отлетает от подушки. Ради чего? Слава и власть притягательны только по мере стремления к ним. Вы достигли их, и они из вожденной цели превращаются в тяжелое бремя. Особенно угрожающей ситуация становится на фоне мыслей о смерти. Мы не будем пока (намеренно) говорить об этой всеобщей и грозной, всех ожидающей реальности. Мы

позволим себе сделать вид, что не помним о смерти и не думаем о ней. Позволим ей со злобщей и безмолвной улыбкой ожидать нас за одним из жизненных поворотов.

Скажем вначале несколько слов о том, что более близко и понятно, – о детях.

Они менее философичны, чем их родители. Вопрос «зачем?» их либо вовсе не мучит, либо мучит с большим опозданием. Все, что их окружает, все, чем они пользуются, воспринимается чаще всего как нечто само собой разумеющееся. Если миллионер в первом поколении может вспомнить вкус консервов в студенческом общежитии, то у его детей такой возможности нет в принципе. Сравнить разные уровни достатка, разные степени нужды и изобилия исходя из собственного опыта дети не могут. Детям богатых людей изначально созданы все условия для того, чтобы тратить не задумываясь и жить не экономя. У них есть все шансы для воспитания в себе высокомерия и презрения к бедному, простому, обычному человеку.

«Странно, что многие люди голодают. Неужели им трудно позвонить в колокольчик и вызвать слугу с обедом?» – говорила одна особа голубых кровей после прочтения в газете заметки о голодающих. Можно смеяться над подобной смесью цинизма с идиотизмом, но это – правда. Пропать непонимания, рожденная жизнью в разных мирах, – самая глубокая и опасная пропять.

Давно замечено, что наследственная аристократия более всех других общественных прослоек подвержена риску вырождения. То, что одни поколения собирали долгие годы и зарабатывали потом и кровью, другие получили по наследству. Без пота и крови, но, что самое печальное, часто без малейшего осознания величины наследства и ответственности за него. В силу этой легкости они владеют искусством проматывать за годы то, что собиралось столетиями. И поэтому умный представитель элиты должен озаботиться вопросами воспитания своего потомства больше, чем всем остальным. Доступность удовольствий при отсутствии ответственности он должен бы считать своеобразным проклятием.

Вам, возможно, случалось читать или слышать о миллионерах, которые заставляют своих детей во время каникул продавать мороженое или развозить пиццу на мотороллере. В нашей стране такое представить трудно. Но это, надеемся, явление временное. Поскольку приучение детей к труду и адекватной оценке жизни для элиты вопрос не досуга, а выживания. Это – один из видов профилактики ранней и бессмысленной смертности среди потомков богатых, поскольку риск подохнуть в VIP-клубе от наркотической передозировки или разбиться вдребезги на папиной машине заметно снижается у людей, знающих цену куску хлеба. Еще это – способ приумножить родительское достояние и, что самое главное, правильно его применить.

В отечественной истории есть пример – Иван Фундуклей, губернатор Киевской губернии в XIX веке. Этот сын миллионера и впоследствии мультимиллионер был воспитан на хлебе и воде. Отец долгими годами держал сына на мелких чиновничьих должностях, прививая ему аккуратность, трудолюбие и честность. Впоследствии Фундуклей на всех высоких должностях удивлял людей редким сочетанием опытности в делах, щедрости к нуждающимся и личной неприхотливости. Это был пример человека, использующего богатство как средство мудрого служения обществу.

Тяжесть богатства такова, что обладающий им человек прикован к ответственности, словно гребец на галере к веслу. Деньги, как вода, застаиваются и гниют без движения. Они же, как наводнение, опасны, если не ты владеешь ими, а они – тобой. Может показаться, что богатство рождает свободу. На самом деле оно дарит иллюзию свободы, а настоящую свободу, легкость и покой отнимает. Все это человек понимает довольно поздно, да и то не каждый. И пока одни богатому человеку завидуют молча, другие вслух клянут его на всех перекрестках, третьи составляют планы, как бы его богатство украсть, сам он должен

думать о тысячах вещей. Среди этих тысяч главным является не растерять из-за денег и дел, связанных с ними, самых родных людей.

Люди важнее всего. Ради людей зарабатываются деньги, и на людей они должны быть правильно потрачены. С одними людьми деньги могут приходиться. С другими – исчезать. Например, нажитое за годы с законной женой можно в недели развеять по ветру с любовницей. Да, господа. Одни люди приносят с собой благословение, другие – проклятие. С одними людьми деньги находятся, с другими – теряются. Но лучше терять деньги из-за людей, чем людей из-за денег.

Наш разговор странно затянулся. Видимо, тема сложна и кратким словом от нее не отделаешься. Мы успели задать вопрос «зачем?», но не успели дать исчерпывающего ответа. Затронули тему детей. Упомянули вскользь проблему отношений с женщинами. Даже о смерти сказали слово – и тут же сделали вид, что ошиблись адресом. В общем, богатство по определению вещь сложная. И вместо того чтобы бездумно к нему стремиться или тупо завидовать тем, кто уже достиг цели, нужно почаще говорить всерьез на эти темы.

Если нас учат или, что хуже, поучают, люди, то на них мы можем гневаться, раздражаться, махнуть рукой. Можем, словно дубиной, отмахиваться фразой: «Врачу, исцелися сам». И действительно, кто без греха, тот и бросай первый камень. А раз все грешны, то есть шанс при любых грехах остаться без наказания.

Но если учит нас природа, если в ней поместил Бог Свои уроки, советы и подсказки, то отмахиваться от этой науки сложнее. Видимо, поэтому Моисей брал в свидетели небо и землю, говоря: *Внимай, небо, я буду говорить; и слушай, земля, слова уст моих* (Втор. 32, 1).

Люди, бывшие свидетелями, могут умереть, не передав следующим поколениям важных знаний. Люди могут быть забывчивы, легкомысленны, наконец корыстны. Из свидетелей они могут превратиться в лжесвидетелей. А вот небо и земля никуда не исчезают, всё помнят и продолжают быть свидетелями верными. Нужно лишь изучить их язык, чтобы уроки природы стали вняты для сердца и разума.

Один урок предложим нынче общему вниманию. Связан он с рекой Иордан.

У вас в школе могла быть двойка по географии. Вы можете не знать названия главных водных артерий планеты, но об этой речушке вы слышали наверняка. Собственно, она не такая уж и речушка. Общая протяженность Иордана – двести пятьдесят два километра. На своем пути она впадает в два больших озера-моря: Галилейское и Мертвое. Первое озеро многоименито. Это – озеро Генисаретское, или море Тивериадское, которое упоминается в Евангелии. Евреи называют его Кинерет. Этот водоем кипит жизнью. Его берега покрыты буйной растительностью, а воды богаты рыбой. Будучи озером, этот водоем ведет себя временами как настоящее море и вспенивается высокими и опасными волнами. А дальше, вытекающая из Кинерета и пройдя еще сто километров, Иордан впадает в Мертвое море. Этот водоем действительно мертв. В нем нет не то что рыбы, а даже моллюсков и водорослей. Это, как говорят справочники, самый низкий участок земной поверхности. Словно сходя к аду, Мертвое море хранит на своем дне то, что осталось от Содома и Гоморры.

Мы предприняли такое пространное вступление, чтобы приступить наконец к уроку, заключенному в этих деталях палестинской географии. Генисаретское озеро принимает в себя воды Иордана и отдает их, поэтому оно живо, причем с избытком. А Мертвое море принимает в себя пресные воды Иордана, но никуда их не отдает (Иордан никуда из Мертвого моря не вытекает), и оно мертво. Напрашивается формулировка закона: жить – значит принимать и отдавать. Принимать и не отдавать – значит умереть.

Это универсальный закон. Если глаз принимает свет, но не посылает импульс в мозг, человек ничего не видит. Если желудок принимает пищу, но не переваривает ее, не отдает энергию всему организму, человек болеет и мучится. То, что справедливо для организма отдельного человека, справедливо и для общества.

По большому счету, все, что у нас есть, не совсем наше. Многое, хорошее и плохое, мы получили по наследству. Это касается талантов, способностей и склонностей, из которых одни подобны благословию, а другие – наказанию. Самодостаточен только Бог. Все остальные, включая людей и ангелов, зависимы. Справедливо спрашивает апостол Павел: *Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил?* (1 Кор. 4, 7).

Мы, например, неоплатные должники своей первой учительницы. Если бы она не научила нас «буквы ровные писать тонким перышком в тетрадь», не получили бы в дальнейшем никакого образования. Не был бы врач врачом, а инженер – инженером. Все богатство человеческой мысли было бы для нас задернуто плотной завесой нашего невежества. И список тех, кому мы должны, можно продолжить.

Нас родили, кормили, лечили, учили, защищали, наставляли, наказывали. Все это – разновидности блага, которым мы пользовались. Тот, кто высоко взобрался по лестнице общественной значимости, не имеет права этого не понимать.

От первого урока переходим к уроку второму. Он звучит более кратко: делиться надо.

Нельзя только получать не отдавая. Знаниями, силой, навыками, деньгами нужно делиться. Во-первых, просто для того чтобы жить (согласно первому закону), а не умирать духовной смертью. А во-вторых, из благодарности к сотням простых людей, без которых богатый не был бы богат, известный – известен, а умный – умен.

Допустим, некто из людей, отличающихся богатством и облеченных властью, решил делиться. Мы уже обрадовались, но... Попридержим радужные ожидания. Дело не так просто, как кажется Емеле, лежащему на печи.

Сам богач не будет входить, согнувшись, в хижину бедняков с милостыней в руках. А если и будет, то не уверен, что его надолго хватит. Милосердное движение сердца у богатого человека рождает нужду в помощниках, в тех, кто исполнит благую волю начальника или господина. Здесь нас подстерегают проблемы.

Генерал умен, и солдаты храбры. Чего, казалось бы, недостает для успешного ведения военных действий? Мы еще не знаем, каково среднее звено – сержанты, старшины, прапорщики и младшие офицеры. От них зависит все. Они – немножко солдаты и немножко полководцы. Лавры в случае победы получают генералы. Тяжесть войны вынесет на плечах солдат. Но совершенно ясно, что победа возможна лишь при качественном уровне среднего звена.

Чем сложнее цивилизация, тем сложнее механизмы взаимодействия между группами, классами, прослойками. Если царь добр, но к нему не добраться, если приказ мудр, но телефон испорчен, тогда – катастрофа.

Ангелы служат, принося людям веления Божии и вразумления и относя к Богу наши молитвы и просьбы. Любой посредник должен быть ангелом. Если он не ангел, то – демон.

В Четвертой книге Царств много говорится о пророке Елисее. У этого великого мужа был слуга по имени Гиезий. Словно живое пророчество об Иуде, который был близ Господа Иисуса Христа, но деньги любил больше, и этот слуга Елисеев был стяжатель. Когда пророк исцелил сирийского военачальника Неемана от проказы, то в награду не взял с того ничего. А Гиезий, не утерпев, побежал за колесницей Неемана и выпросил подарки. Елисей спросил слугу, куда он ходил. Тот ответил: *Никуда не ходил раб твой* (4 Цар. 5, 25). Но пророк продолжил и сказал, что сердце его сопутствовало Гиезию и не утаилось дело слуги от Елисея. Последние слова пророка были следующими: *Пусть же проказа Нееманова пристанет к тебе и к потомству твоему навек* (4 Цар. 5, 27).

Далеко не каждый благотворитель – Елисей. Зато опасность стать Гиезием подстерегает всякого посредника и распорядителя чужих богатств. Чужое добро липнет к пальцам, как мед. И чем дальше конкретный адресат помощи от глаз приставника или чиновника, тем легче и удобнее воровать, не думая при этом, что ты настоящий вор. «Не младенцев от груди

отнимаю, не копейки из шляпы слепца, просящего милостыню, выгребаю», – думает человек и тем удобнее запускает руку в различные фонды и кассы.

Так что богач, вдруг захотевший разбогатеть добрыми делами и благословениями тех, кому решился помочь, найдет ближайших врагов в людях, поверенных в его делах, имеющих доступ к распределению средств. **Высшая мудрость богатого человека – умение окружить себя людьми правильными.** Правильными – то есть профессионально грамотными и хотя бы относительно совестливыми. Во все дела вникать все равно не сможет никто. Много придется доверять и поручать в надежде на честность, исполнительность. И главная тревога – как бы не приставить (по недосмотру или по скудоумному безразличию) волков за овцами глядеть.

Есть в житии святого Ефрема Сирина иллюстрация этих слов.

Во время голода владельцы хлебных складов традиционно взвинтили цены. Святой обратился к ним с горячим словом обличения. Те смирились и согласились помогать бедным. Но высказали одну просьбу, а именно: пожаловались на отсутствие людей, кому можно было бы не боясь доверить раздачу хлеба беднякам. И просили преподобного Ефрема заняться этим лично. Тот согласился, взял деньги на еду и стал попечителем бедных. Отсутствие **нужных** людей как раз и означает отсутствие людей **честных**, без которых любые благие порывы милосердных богачей превратятся в насмешку над их стремлениями. Деньги растекутся по карманам приближенного ворья, а бедный останется ни с чем.

Итак, делиться надо, иначе умрешь злой смертью, и навеки. Но, желая делиться, нужно вначале озаботиться подбором помощников по принципу исполнительности и честности.

Так сложно богатым делать ближнему добро. Бедный копейку свою при случае из рук в руки отдаст. А богатый этой роскоши лишен, потому, как ни странно, может умереть, не имея за спиной никаких дел милосердия.

Весь евангельский текст, а значит и все значимое в земной реальности, пронизан упоминанием денежных знаков. Это и лепта вдовицы, и сребреники Иудины, и дидрахма храмовой подати, и таланты из притчи. Таланты, как мера веса благородных металлов, а не как особые дарования.

Постоянно упоминаются и богатые люди. Один богач назван безумным, и посреди тревог о разрушении одних житниц и строительстве новых ему сказано: *В сию ночь душу твою возьмут у тебя* (Лк. 12, 20).

Другой, из притчи о богаче и Лазаре, ходил мимо покрытого гноем бедняка, пока не оказался в аду и не стал просить Авраама послать этого же бедняка остудить ему язык.

Богатый юноша, с детства много трудившийся в делании заповедей, услышал: «Продай все, раздай нищим и иди за Мной», – после чего отошел скорбя (см.: Мф. 19, 20–22).

Тема богатства очень важна, недаром Христос пришел спасти и исцелить человечество, а оно, человечество, только тем и занимается, только о том и мечтает, как бы разбогатеть и ни в чем не нуждаться. В учебниках истории общим местом стала мысль о том, что плодотворной средой для распространения христианства была беднота, в том числе рабы. На самом деле из Евангелия видно, что проповедь спасения и перемены ума (покаяния) обращена к богатым ничуть не меньше, чем к бедным. А может, даже и больше.

В любом храме богатые люди не составляют большинства. Оттого может показаться, что христианство – религия нищих и убогих. Но нельзя забывать, что богатые составляют весьма малый процент в любом обществе, и было бы странно, если бы они составляли большинство на наших богослужениях. Если в обществе их два-три процента, то и в храмах эта пропорция не может быть критично превышена.

Бедный идет к Богу от беды, богатый – от ума и от измученного сердца. Случись бедному стать богатым, не факт, что мы скоро опять увидим его в храме.

Богатый, придя, требует к себе внимания, серьезного отношения. Под серьезностью я понимаю отсутствие заискивания в первую очередь. Мы становимся *судьями с худыми мыслями*, как пишет апостол Иаков (Иак. 2, 4), когда говорим человеку с перстнем: «Сядь здесь», а человеку нищему: «Стань там». Нужно однажды понять, что богатые люди – так же адресаты проповеди, как и все остальные. Мы обкрадываем их бессмертные и, несомненно, грешные души, если ограничиваемся в общении с ними освящением «мерседесов», пьем водки на праздниках и просьба ми о материальной помощи на приемах. У многих из власть имущих создается опаснейшая иллюзия о своей близости к Богу, поскольку они стояли на Пасху в алтаре, лично знают такого-то владыку, имеют церковную награду...

Со страхом нужно говорить о том, что мы дадим ответ Богу о душах тех, кого лицемерно и чрезмерно чтили, вместо того чтобы благовествовать им день ото дня *спасение Бога нашего* (Пс. 97, 3).

Почитаемый ныне за власть и богатство человек может быть двойным банкротом. На земле, невзирая на комфорт и различные выгоды, он все равно болел, страдал, нервничал, боялся и в конце концов умер. Но на земле все смотрели на него снизу вверх и произносили имя его с придыханием. Оттого самых важных слов ему, быть может, никто так и не сказал. А ведь мы должны их сказать. Вот эти слова: *Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бедствиях ваших, находящихся на вас. Богатство ваше сгнило, и одежды ваши изъедены молью. Золото ваше и серебро изоржавело, и ржавчина их будет свидетельством против вас и съест плоть вашу, как огонь: вы собрали себе сокровище на последние дни* (Иак. 5, 1–3).

Чтобы в таких выражениях и таким тоном говорить с богатыми, нужно быть причастником духа пророческого. Нужно быть рабом Господа Христа и не быть рабом человека, чтобы иметь смелость произнести или прочесть вслух эти слова при соответствующей аудитории. Наша цель – не дешевые эффекты, но Истина. Видно, мы мало служим ей, раз у богатых укоренилась уверенность в возможности откупиться от Страшного Суда и поменять земной рукотворный рай, ими создаваемый, на рай истинный, без страха, боли и наказания.

Люди часто хитры и корыстны. Нередко – злы. Все это достойно слез, но говорить об этом необходимо. Люди зачастую лукавы. Будучи лукавыми, они похожи на того, о ком упоминается в последних строчках молитвы «Отче наш», там, где говорится «но избави нас...».

Пес похож на хозяина, раб – на господина. Человек лукав, потому что не служит Благому, но служит лукавому.

Для того, кто зол, весь мир плох, а сам он хорош. И то ему не так, и это не этак. «Вот если бы да кабы, то и я был бы иным. А так, извините, мир несовершен. Не собираюсь я стремиться к совершенству посреди всеобщего несовершенства», – слышишь от такого.

Узнаёте свое нутро? Это ведь – не исключено – и ваши внутренние монологи.

Для того чтобы жить по страстям и от страстей чрезмерно в совести не мучиться, лучший способ – возложить вину на Бога и Церковь. Дескать, Бог плохо все устроил, а Церковь сама погрязла в грехах. Не ей меня учить.

Предложу мысленное лекарство против этой мысленной язвы. Жил такой человек Веселеил. По-еврейски – Бецалель. Это был великий мастер, Бог дал ему премудрость для произведения различных украшений скинии и устройства ее самой. Уходя из Египта, евреи выпросили у египтян множество украшений из золота. Это золото и пошло на украшение скинии. Мудрость Веселеила проявилась и в том, что он видел, кто дает золото на украшение переносного храма от сердца, а кто – по тщеславию. Золото сих последних он употреблял не на важные вещи, а на украшение ограды и прочего.

Как-то спросили евреи одного из своих мудрецов, почему, дескать, он ездит в дорогой карете и шуба на жене его дорогая. Деньги-то общинные. И ответил он им: «Раньше люди давали деньги из любви к Богу. Мы употребляли их на украшение Торы и священные нужды.

А теперь все вы жертвуете по тщеславию. Нам ничего не остается, как тратить эти деньги на шубы и коней».

Так раввин хитро «съехал» с темы. Но нет ли здесь урока? Ой, братья, сдается мне, что есть. И опять, урок сей – для богатых. Ты думал, что жертвуешь на Бога и Церковь, а на самом деле жертвовал ты для утоления тщеславия и в виде откупа. Ничего, кроме предметов роскоши, согласно притче, на твои тщеславно подаренные деньги купить невозможно. Польза от твоих денег съедена молью и разбита в авариях. Не думай получить что-либо за эти тщеславные дары на небе, потому что и те, кому ты жертвовал, ни разу, быть может, за тебя не молились.

Если эта еврейская притча не тронет твое сердце, то послушай анекдот. На суде у ворот рая говорят богатому: в ад! Он не согласен: я, мол, столько-то и столько-то денег потратил на строительство храмов. А ему отвечают: в ад, а деньги мы вернем.

Еще раз напомним, что деньги – это не бумага и не металл. Это – превратившийся в бумагу и металл пот трудящегося человека. Это пот пахаря и ученого, сталевара и водителя-дальнобойщика. Деньги – это мистический факт. И брать их, и давать их нужно с соответствующими мыслями и чувствами. Отношение к деньгам не просто находится внутри морали. Это проверка морали на предмет ее существования. Несерьезность человека в отношении к деньгам говорит о его несерьезности вообще. Нечестность или жадность человека в отношении к деньгам говорит о его всецелой нечестности и жадности. О гнилости, то бишь и о родстве с Иудою. И не зря мы не можем и раз причаститься без воспоминания об этом бывшем ученике и апостоле. Говорим же постоянно перед Чашей: «...небо врагом Твоим тайну повем, ни лобзания Ти дам, яко Иуда...».

Благословенная сложность бытия

Любой пруд – это живая экосистема. Там по вечерам заводят свои концерты лягушки, там плавают какие-никакие, а рыбки, за которыми охотятся настоящие птицы, падающие камнем на воду и уносящие в клюве очередную мелюзгу. Там жизнь кишмя кишит, и видно это не только именитому биологу, но и простому обывателю.

Обыватель неприхотлив. Обывателю мало надо. Ему лишь бы сесть у берега с удочкой или – с друзьями у костра. Ему бы лишь ощутить подсознанием, что он находится в отдаленном подобии рая. И нам от него ничего не надо. Лишь бы бутылки не разбивал о камень, но унес с собой и костер потушил. Лишь бы не утонул по пьянке в экосистеме под названием пруд.

Биологи и экологи говорят нам о том, что экосистема тем прочнее, чем сложнее. То есть чем больше в ней живых участников, чем из большего количества видов она состоит, тем больше шансов у нее на выживание и тем большим здоровьем и устойчивостью она обладает.

Сказанное с любовью и одновременно с тревогой перевожу на семью.

Применительно к семейным отношениям тезис, касающийся заросшего тиной пруда, звучит так: **чем больше людей разных поколений составляют семью, тем больше шансов, что психическое здоровье нового члена этой семьи будет в норме.**

Теперь поясню на примере и, по необходимости, нарисую идеальную картину. А может, картину из недалекого прошлого.

* * *

Человек пришел в мир. Мать отстрадала и в свой черед возрадовалась, как и говорит Евангелие. Человек в начале только лежал, затем встал на четвереньки, пополз, затем – пошел, то и дело падая и плача. Наконец он уже и ходит, и говорит, что сравнимо по масштабу с зарождением новой Вселенной. Теперь его не просто окружает мир – он мир этот видит, воспринимает и осознает!

Очень хорошо, ни с чем не сравнимо хорошо, если мир, видимый и воспринимаемый новым человеком, **благословенно сложен.**

В нем должен быть дедушка и его спутница – бабушка. Это – настоящие динозавры. Добрые, доисторические. Это люди из святого и недостижимого далека. Бабушка пахнет ряженкой и хлебным мякишем, дедушка – табаком. Еще дедушка колюч от щетины. Оба они любят брать внука на руки и рассказывать о том, что видели сами и что внук может увидеть только внутренним зрением. Это живые представители всей человеческой древности. Видя их, ребенок подкожно воспринимает идею того, что мир древен, сложен и что бабушка с дедушкой – крайние звенья цепи, к которой ему посчастливилось прикоснуться.

Далее следуют мама и папа. Не одна мама, а непременно – мама и папа. Мама – это самый красивый и добрый человек на свете. Но добрым он может быть, только если где-то поблизости мелькает папа. В его отсутствие, полное то есть отсутствие, мама остается самым красивым человеком на свете, но становится также и самым злым, самым раздраженным. Папа же является по определению самым сильным человеком на свете, которого заслуженно любит самый красивый человек.

Пока самый красивый и самый сильный живут вместе и ребенок осознаёт себя «их ребенком», он живет в подлинном раю. Сей психологический рай характеризуется защищенностью и безответственностью. За все отвечают они – сильные и красивые. А ты живешь за

их спиной, как у Христа за пазухой, и смысл этого выражения станет тебе понятен много позже.

Еще должны быть братья и сестры. Ребенок может ненавидеть их время от времени, может опасаться, что за старшими ему придется донашивать все. Но эти братья и сестры рождают в душе (прежде всякой богословской рефлексии) чувство коллективной ответственности, чувство локтя и еще Бог знает сколько всяких чувств.

А еще должны быть разные тети и дяди, двоюродные братья и сестры, которые собираются время от времени вместе на праздники или похороны, шумят, мешают жить, раздражают, но... При этом все они дают почувствовать, что жизнь сложна, что жизнь – ковер, а ты нитка – из тысяч таких и состоит ковер. Нитки сверху над тобой, нитки – под тобой, справа и слева. Распусти их, начни резать или поджигать – единство распадется и ты останешься всего лишь ниткой. И дай Бог, чтобы некая птица унесла тебя для использования при сооружении гнезда на одном из берегов экосистемы, чтобы не ждало тебя нечто худшее.

* * *

Жизнь должна отличаться благословенной сложностью. Вместо этого она стремится к радикальному упрощению, которое на языке социологии и психологии зовется индивидуализмом.

Всяк сам по себе. Ни дедов с бабками, ни запаха хлебного мякиша и дешевого табака. Ни кузин с кузенами, ни теток с дядьками. Подрасться не с кем. Не на кого свалить: «Это он!»; и невымытая посуда, и разбросанные вещи – твоих рук дело. Больше никого, кроме тебя. Ты в семье – один.

Один. Для ребенка это – страшное слово. Папа исчез, дед умер, тот дядя, который не папа, тоже исчез. И ты – один.

Кроме тебя только психованная мама, измученная одиночеством, и ты – ее затюканное дитя, смотрящее на мир такими глазами, словно уже слышен гул приближающегося бомбардировщика.

Се – наша жизнь, граждане. А у нас при этом хватает глупости смеяться перед телевизором.

* * *

Самое корявое дерево в лесу, скорее всего, выживет и упадет только под старость. Но самое сильное дерево на вершине заголившейся, как лысина, поляны упадет раньше. Его спалит молния или повалит буря. Оно – одно. Оно – не жилец.

Психологическим здоровьем и способностью выживать везде веет от человека, которого в детстве и юности окружали десятки родственников, сующих в карман пряник, дающих подзатыльник, шепчущих на ухо важные жизненные советы. Перепуганным и напряженным придется по необходимости чувствовать себя человеку, который всю жизнь был один. Его ласкали с надрывом, как перед смертью, его боялись отпустить на шаг от себя. Ему вложили в голову картину враждебности мира и собственной уникальности. Это – ложная парадигма.

Мы тоскуем по норме и обличаем современную жизнь в ее уродливости. Но мир подрублен под корень, и там, где нам кажется, что болезни понятны, мы клеймим, скорее всего, лишь побочные следствия того уродства, в котором живем, словно рыба в воде. Мир болен больше, сильнее, чем нам кажется, и носителем всех болезней мира, свернутых до размеров ДНК, является каждый из нас.

Простое стало редкостью, и обычное превратилось в чудо. Очевидно, из-за треснувшего фундамента нам никогда не поднять стены духовного дома так высоко, как поднимали их наши предшественники. Очевидно, лишившись нормальной жизни, мы стали бесполезны ко всему, кроме покаяния. Покаяние сохранит свою силу до той самой секунды, когда зазвучит архангелова труба. А остальное – нет, не сохранит.

Безногие не бегают стометровку наравне со здоровыми, и нам, безногим, не дано почти все то, что с большей легкостью давалось предыдущим поколениям.

Разрушение семьи – вот имя главенствующей язвы, которая лишила нас и силы, и мудрости, и возможности роста. Но не спешите исцелять язву собственными силами. То, что разрушалось столетиями, нельзя восстановить за годы. Да и не дело это одних лишь рук человеческих. Посему, опознав свое врожденное уродство, сядем тихо и задумаемся.

Ведь если калека стремится изобразить из себя здорового, то с него и спрос иной. А если он знает о своих недугах и сам от себя не бежит в лес фантазий, то для спасения ему нужны безропотность, и вера, и неосуждение.

Вот почему святые отцы настаивали на том, что в последние времена людям будет оставлено одно лишь покаяние без всякого иного подвига.

* * *

Обо всем этом хорошо думать вдалеке от шума и пыли, суеты и маеты, сидя где-нибудь на природе.

Где? Правильно – на берегу какой-нибудь экосистемы под названием пруд. Там квакают лягушки и кричат селезни, там ивы склоняют до самой воды свои грустные ветви, там кругами на воде дает заметить себя играющая рыбка, там в едва волнующейся глади по вечерам отражается светило малое, созданное для управления ночью.

Отраженная действительность

Кто он такой, наш современник? О чем с ним можно говорить? Чем он живет и от чего мучается? Если он мучается только от нехватки денег, а живет так блекло, что из впечатлений дня невозможно составить страничку для дневника, то что это и как это назвать?

В неосмысленном мире жить страшно, как страшно оказаться в погруженном во тьму незнакомом доме. Мир осмысливается каждым по-своему в меру житейского опыта и в качественном соответствии этому опыту. А функцию коллективного осознания действительности отчасти выполняет искусство.

Оно, искусство, именно поэтому необходимо. Никто из известных нам живых существ не способен творчески отображать окружающую действительность, тем более действительность умопостигаемую. Человек же, если поймет что-то, восхитится чем-то, устрашится чего-то, тут же постарается переплавить опыт в песню, притчу, храм и фреску.

Искусство – лакмус, индикатор, причем одновременно как наличного состояния, так и вектора устремленности.

Человек подходит к искусству с немой просьбой: «Помоги мне понять себя». И всем знакома радость узнавания, когда в книге, или пьесе, или фильме человек угадывает себя и свою эпоху. Глядя на себя со стороны, человек получает уникальный опыт оценки действительности. Если я в произведении искусства не вижу себя, то либо я выпал из гнезда, либо искусство ушло куда-то в сторону. Классическим именуется и признается то искусство, в котором может узнать свой внутренний лик человек любой эпохи. Если я не нахожу себя в произведениях, переживших века, значит, живу вне главных смысловых координат. Знакомство с лучшими произведениями мировой культуры и сочувствие им говорит мне, что я принадлежу к общечеловеческой семье.

Если у Шекспира или у Данте я себя нашел, а в современном искусстве меня мало что трогает, значит, эпоха и я – скрытые враги. Я – враг эпохи, потому что не ем предлагаемое ею. А она – враг мой, потому что безразлична ко мне и рано или поздно я начну ей мешать.

У советской эпохи было культурное лицо. Были фильмы, не утомляющие в сотом просмотре, были гениальные поэты, как печатавшиеся, так и писавшие в стол, были серьезные философы. И хотя все жаловались (было на что), лик эпохи был сложен и рельефен. А сегодня есть у времени культурное лицо? Наверное, есть, но мы, находясь к нему слишком близко, не в силах разобрать черт. Но, может, этого лица и нет вовсе?..

А иначе откуда это бандитско-ментовское экранное наводнение и дешевые любовные треугольники, помещенные в богатые интерьеры? Что, больше ничего не происходит? Или нечто важное, непременно происходящее на глубине жизни, ускользает от взгляда художников? Или народ разучился понимать что-либо за пределами бандитско-денежно-сексуальных отношений? Если на любой из этих вопросов ответить «да», сразу вслед за этим следует слушать «Реквием».

Отдельный человек соприкасается с ограниченным числом людей, из которых трудно сложить мозаику эпохи, тем более – лик человечества. К тому же каждый из нас специфически ограничен своим видом деятельности. Шофер разговаривает с шоферами, кассир смотрит на мир из маленького окошка, для работника общепита весь мир хочет есть. Если таким взглядом на мир ограничиться, то ни алкоголизм, ни наркоманию победить нельзя в принципе. Именно искусство должно показать нам человека в том, с чем мы не встречаемся повседневно. А оно вместо этого пичкает нас вышеупомянутой смесью.

Европе все еще интересен человек. Связка бандита с полицейским – само собой, и уличная женщина – само собой, но не только. Интересен человек, уставший от однообразия повседневности, интересна динамика отношений в многолетнем супружестве, интересна

неосознанная тоска молодости и уютный ужас обеспеченной старости. Бомж интересен и профессор с мировым именем, поздняя любовь и сложные отношения с повзрослевшими детьми. Попросту говоря, человек как таковой все еще интересен европейскому искусству, хотя Европа подлинно гниет, и не понимает ровно ничего тот, кто не ощущает этого гниения.

Но нам почему никто не интересен и почему мы не угадываем великое в немногом? Искусство отображает и осмысливает жизнь. Иногда оно пытается осветить дорогу тусклым фонариком интуиции. Но сначала должна быть жизнь. Если нет искусства, значит, нет жизни. Скажите это и вы не ошибетесь. У коров нет искусства, потому что они не люди. У обывателя нет искусства, потому что либо он не умеет осознавать и пропускать через сердце многообразие бытия, либо самого бытия у него нет, а есть коровье (волчье) существование. Нельзя никого удивить балетом или загипнотизировать кинематографом, если вы никого не любите и ни о чем не плачете, ничего не читаете и ни к кому не прислушиваетесь. Сначала – внутренняя жизнь, потом – все остальное.

Говорят: «Давайте снимем кино. Где взять денег?» Но не говорят: «Давайте обсудим один из уже снятых и вышедших фильмов». А ведь шедевры имеют каприз рождаться от диалога, и для гения нужна среда обитания. Вне специфической среды гений – заурядный обыватель и тоскующий налогоплательщик. Специфическая среда человека, умеющего разгрызть смыслы, это вовсе не спидоносная богема и не циррозно-алкоголический бомонд, а пара-тройка людей, погруженных в смысловое поле и между собой общающихся.

Такие люди есть. Их много. Но, видимо, они не общаются. Не общаются же люди либо от самодовольства, либо от уныния. Наше общество больно и тем, и другим. Одна его часть унывает, а другая – надувается от любви к себе, как жаба. За первых нужно молиться, вторых Бог смирит как Сам знает. Получается, что люди, которым есть о чем говорить, молчат, отсиживаясь по углам, а люди, не имеющие ни одной своей мысли, трещат не закрывая рта. Буквально все не совсем так, и я сгущаю краски, но тенденция такова.

Во времена одичания то искусство, которое не просто развлекает или развращает, но которое в поисках природных черт лица стремится смыть с современника бесовскую сажу, является другом Церкви. И Церкви предстоит узнать друга в том искусстве, которое не жертвует совестью ради кассовых сборов. А серьезному искусству было бы важно ощутить свои корни в небольшой книжечке под названием Новый Завет.

Высшей и главной целью Церкви является превращение земного человека в наследника вечной жизни и Божия Царства. Но есть и локальные или промежуточные цели. Сегодня такая цель – не дать человеку перестать быть человеком, посредством оживления совести удержать человека от полной деградации. У высокого искусства та же задача. Поэтому Церковь и искусство сегодня – союзники.

Не будьте как лицемеры

Человек сложен. То, что в человеке доступно взгляду со стороны и прочим телесным чувствам, не весь человек. Существует еще человек сокровенный, внутренний. О нем чаще всего упоминает в своих посланиях апостол Павел.

По внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим (Рим. 7, 22) (здесь и далее выделено мной. – Авт.).

*Если внешний наш человек и тлеет, то **внутренний** со дня на день обновляется (2 Кор. 4, 16).*

*Да даст вам, по богатству славы Своей, крепко утвердиться Духом Его во **внутреннем человеке** (Еф. 3, 16).*

По-разному ведут себя два этих человека, внешний и внутренний. По-разному относятся к ним душа и господствующий ум. Если один из этих «людей» для души, для ума и воли – сынок, то другой – пасынок.

Можно всю жизнь заниматься внешним человеком: мыть, лечить, украшать, питать и ублажать его. При этом совершенно пренебречь сокровенным человеком. Можно поступать наоборот, но таких людей до крайности мало. Возможно, мы ни разу их не встречали, но лишь читали о них в тех книгах, где говорится о богатырях духа – настоящих подвижниках.

А может быть, удастся совместить оба служения и ублажить и внешнего человека, и внутреннего? Может, и удастся. Но, скорее всего, слова Иисуса Христа, сказанные об отношении к богатству, касаются и этого вопроса. *Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть (Мф. 6, 24).*

Все труды, рождаемые верой, труды, на которые зовет нас Евангелие, обращены к пользе внутреннего человека: пост, молитва и милостыня. Они дарят свободу, окрыляют и облагораживают внутреннего человека. Но ценность их сохраняется лишь тогда, когда они совершаются для Бога, пред лицом Божиим, а не для человеческих глаз и похвал. Поститься и молиться нужно *пред Отцом твоим, Который втайне* (Мф. 6, 18). Иначе добродетель обращается в свою противоположность. Люди видят ее обманчивую внешность, хвалят мнимого подвижника, и тот, получая в Евангелии имя лицемера, лишает себя всякой награды.

Что касается поста, то есть воздержания от различных сластей житейских и телесных приятностей, то лицемерие здесь, согласно слову Божию, проявляется в напускной унылости и принятии на себя мрачного лица, *чтобы показаться людям постящимися* (Мф. 6, 16).

Вместо этого Господь советует помазать главу и умыть лицо, а пост и сетование сохранить в тайне души. Слова об умовении лица и помазании головы нужно понимать исходя из священной истории и древних обычаев.

Древние люди не знали внутренней скорби, которая не вырывалась бы наружу. То же можно сказать и о радости. Все, что было у человека внутри, он выплескивал вовне. Так и до сих пор живут на Востоке, шумно радуясь и громко плача. Поэтому в период поста (а пост был приурочен к скорбным датам и связан с покаянием) человек разрывал на себе одежду, отказывался от умывания. Вместо ухода за внешним видом посыпал голову пеплом или прахом земным, размазывал по лицу слезы. Весь его внешний вид должен был говорить о внутренней скорби. И со временем получилось так, что человек привлекал к себе внимание наружностью, а сердце его при этом могло не плакать и не скорбеть, но искусно лицемерить. От этого и предостерегает нас Господь. Нам голову ничем особенным мазать не надо. Это сказано для тогдашних людей с их обычаем помазывания головы маслом в радостные дни. Нам не стоит увлекаться внешними знаками воздержания – особыми одеждами и уже упомянутым мрачным лицом. Внешний вид наш всегда должен быть невызывающ, скром

и аккуратен. И по части внешнего вида Великий пост не предъявляет к нам никаких особых требований. Напротив, мы должны ощутить время поста как время душевной весны и чистой внутренней радости. Облегчение тела от избытка пищи и от лишнего веса, упражнение в чтении слова Божия и молитве способны дать ощущение внутренней свежести и, как следствие, радости. Тогда абсурдной покажется внешняя угрюмость и действительно захочется умыться лицо и помазать главу.

Но даже если пост дастся тяжело, если враг смутит помыслами и нападениями, если вместо внутренней легкости будут сухость и скорбь, то и тогда не надо всему окружающему миру слать сигналы о том, что творится у тебя внутри. Скорби пред Отцом, Который втайне, и Отец твой утешит тебя явно.

Можно быть обычным грешником, ничего собой не представлять, но ничего особенного из себя и не строить. Это – далеко не идеал. Но это лучше, чем попасть в категорию людей, о которых сказано: *имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся* (2 Тим. 3, 5). О таких далее апостол говорит: *Таковых удаляйся*.

Усилимся посему убежать от лицемерия и показушничества, но послужить постом истинным Богу Живому, чтобы *крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке* (Еф. 3, 16).

Мужская религия

Немало уже сказано о том, к какой цивилизации русские принадлежат больше – к западной или восточной. Нас называют то византийцами, то азиатами, то рабами гнилой либеральной идеологии, то полноценными представителями христианской цивилизации. Действительно, раскинувшись на огромных просторах как географически, так и мысленно, мы многое в себя вбираем, и то, что одним звучит как музыка, другим – как набатный колокол. В. В. Розанов как-то по поводу полемики о папоцезаризме и цезаре-папизме (первое – это условное обозначение католиков в предреволюционной полемике, а второе – нас) говорил: «Вот молятся простые люди в обычном храме. Кто они: папоцезаристы или цезарепаписты?»<...>

Конечно, теории блекнут, сталкиваясь с жизнью. Особенно – теории натянутые, претенциозные. Но, с другой стороны, нет такой ситуации, при которой «просто человек» «просто молится Богу». Когда молится человек, всегда вокруг него и в нем клокочат целые исторические эпохи, ошибки и прозрения целых поколений. Молитва заостряет и обличает скрытое. По тому, как молится человек – регулярно или от случая к случаю; вместе с другими или сам по себе; определенным чином или как Бог на душу положит; в какие дни, часы, как долго, – можно многое сказать о культурном и цивилизационном типе, к которому принадлежит человек.<...>

С некоторых пор христианство разжижилось. Женщины на одном природном инстинкте продолжали верить в простоте, за что им доныне честь и хвала. Но мужики заболели – гордостью, развращением ума, сомнением...

Вся эта хворь перетекла к нам незаметно и естественно еще до Октябрьской революции 1917 года, что лишний раз доказывает нашу полную включенность в пресловутую западную цивилизацию. Мы тоже привыкли, что мужик пьет, а баба молится; мужик на фронте, а баба молится. Мужик в космос лезет, карьеру делает, науку грызет... А баба молится. Кое-где уже совершенно привыкли, что в храме одного мужчины хватит – священника, а прихожане – сплошь женщины. Вот это и вызывает у меня сердечную боль.

Наша религия мужская. Она смелая и умная, а не теплохладная и сентиментальненькая. Отсутствие мужика в наших храмах означает отсутствие богословия, поскольку понятие христианство и объяснить его может, за редкими исключениями, только мужеский ум.

Храмы должны быть полны мужчин. Ведь молитва требует не столько переживаний, сколько стойкости и внимательности.

Зайдешь в западный храм – стоит дама в шляпке перед распятием и молится то ли о своей женской судьбе, то ли о голодающих детях в Камеруне. Зайдешь к нам – ходит душа-сестрица среди подсвечников и лепит свечки, пришептывая что-то то ли о непутевых детях, то ли о пропавшем муже. Вот – доминанта религиозной жизни. Личная дамская беда и личный шепот перед образами.

А где наши мужики? Пьют? В горы ходят за адреналином? В Африку на сафари мотаются? На рыбалке? Да, забыл, еще в блогах торчат и пальцы тренируют. Где девяносто процентов этих существ, которые почему-то крещены, но опять же почему-то не ходят в храм постоянно и со вниманием?

Задача священства – привести всех этих людей в храм, чтобы они, облагораживаясь молитвой, наполняли наши храмы. Чтоб почувствовали свою ответственность перед Богом, семьей, Родиной.

Я принадлежу к Церкви, у которой святые отцы на виду, а святые матери – в тени у очага. Я принадлежу к Церкви, у которой нет и не должно быть женского священства, в которой все святое отдано в руки мужа.

Так почему же, почему в наших храмах молящихся мужчин не большинство? Понимаем ли мы, что эта статистика смерти подобна?

Заполните храмы сильными и умными представителями первой и главной части человечества, теми, что первые сотворены, и вы тем самым опустошите ночные клубы, казино, клиники реабилитации наркоманов и всякие болотные места с нездоровой политической активностью. Женщины вам только спасибо скажут. Им самим надоело жить среди тряпок и лентяев. А превращение тряпки и лентяя в полноценного человека возможно только под действием благодати.

И еще, друзья: когда увидите кадры из какой-либо мечети, скажите себе: так и у нас должно быть по части мужского многолюдства на молитве. А иначе жизни не будет.

Ну что, потрудимся?

О беде без страха

Христианство давно перестало быть общим делом. В своем подлинном измерении (назовем его условно святоотеческим или аскетическим), то есть в таком виде, где главным является реальное соединение со Христом, победа над страстями и обожение, оно давно уже является делом частным. Так было и в древности.

Ты хочешь большего? Тебе не хватает посещения обедни по воскресеньям и колокольного звона на всю округу? Тебе мало синей лампадки в углу и всеобщих выходных на Пасху? Иди в монахи. Порви связи с миром. Насладись и истощись малым сном и скудной пищей. Сделай для себя Часослов и Октоих водой, а сам стань рыбой и плавай в этой воде до тех пор, пока небесная сеть не выловит тебя для иной, подлинной, жизни.

С этого и началось монашество. Этим оно и жило долгие столетия. Живет и сейчас. Но живет все меньше. Мир расслаблен комфортом или, по крайней мере, мечтой о комфорте. Мир не рекрутирует монахов, не выталкивает их на подвиг. Да и сами монастыри, чего греха таить, порой пускают в свои стены троянских коней с «удобствами», а такой монастырь и врагу не страшен, и подвижнику в тягость.

Христианская жизнь требует мужества, всецелой веры и опытного руководства. Если ничего этого нет, а претензии на обладание истиной остались, то спасение будут искать в культуре. Можно сказать – в *традиции*. Это слово в последнее время полюбили страстно и твердят со всех кафедр и на всех перекрестках. Это – грустная тема. Грустная потому, что, когда нет любви, начинают говорить о справедливости, а когда нет огня веры, чтобы зажечь слушателя, говорят о традиции.

Традиция, конечно, хороша, и она есть везде: в выпекании хлеба и в завязывании галстука. Почему не быть ей и в христианстве? Но важно уточнить, о какой традиции идет речь. Если о литургической и молитвенной, то это одно, а если о разных других, им же несть числа, – другое.

Мне лично уже очень давно понятно, что человек не живет, а выживает. Причем на всех континентах и во все эпохи. Он может готовиться к подлинной жизни или не готовиться к ней, но сейчас он еще не живет. То, чем мы занимаемся, есть либо убивание бесценного времени, либо прожигание истинной жизни, симуляция, то есть выдача желаемого за действительное, либо подготовка к этой самой подлинной и грядущей реальности. Четвертого варианта я не вижу.

И получилось так, что раньше приготовление к вечной жизни, стяжание благодати охватывало целые сообщества, иногда – народы, а теперь стало занятием единиц. Шкала либеральных ценностей не знает ничего абсолютного. Вечной любви, единой истины и нескончаемой жизни для либерального сознания нет. Отсюда проистекает терпимость к взглядам, толерантность, что не так уж мало, если в результате этой самой толерантности люди не убивают друг друга. Немец ведь столетиями ненавидел англичанина и при случае убивал его потому, что верил: истина у него, а у англичанина – ложь. Англичанин точно так же думал о немцах и французах. В результате Европа обильно полита кровью и усыпана костями. Зато теперь немцу незачем злиться на француза или англичанина. Каждый из этих почтенных граждан европейского дома знает, что истины нет ни у кого из них. Более того, им «известно», что истины нет вообще. Так за что же убивать друг друга, скажите на милость? Именно в такой умственной атмосфере мы и живем. Я говорю «мы», хотя говорю о Европе. Что делать? «Нам внятно все – и острый галльский смысл, / И сумрачный германский гений» (А. А. Блок). Все происходящее в Европе件件 нам: у нас самих происходит то же – правда, с заметным отставанием в сроках. В этом отставании – и боль, и благословение.

Так что же происходит в Европе? Усталость от метафизики, отказ от «единого на потребу», желание «просто жить», то есть не ругаться более о том, чего нельзя съесть. В такой ситуации христиане превращаются в пока не маркированных изгоев. Им еще не пришивают нашивки на лацканы пиджаков – эти, дескать, в земной рай не верят. Но долго ли нашить кусок ткани на пиджак?..

Вы думали, что ваши храмы открыты потому, что в вашем лице мир видит служителей Истины? Нет, прошу вас, успокойтесь. Ваши храмы (пока) открыты потому, что вы умудрились никому не мешать. Еще потому, что иногда вы делаете нечто полезное в глазах нынешних хозяев жизни. Еще потому, что нужно сохранять „культурное многообразие“. Конечно, есть и так называемая историческая память, и с вашими соборными храмами кое-что незабвенное связано. Но самое главное то, что вы уже не опасны. Сильно влиять на жизнь мира у вас уже не получится. Интеллектуал преклонится перед вашим вкладом в историю культуры. Старушка прослезится от чувствительного хорала. Но и для интеллектуала, и для старушки это будет стоить минуты в день, полчаса в неделю, трех месяцев во всю жизнь. А все остальное время они будут под завязку заняты другими вещами, более осязаемыми, чем Небесное Царство. Да и у самих вас так много исторических грехов, что стоит нам начать дискуссию об этой стороне жизни, как вы потеряете последние крохи своих дерзаний и стремлений.

Вот такие идеи, как мне кажется, летают вместе с атмосферными фронтами в европейском воздухе. Такие призраки сменили «Манифест» К. Маркса и бродят по Европе. Вы можете со мной не соглашаться так же, как можно не соглашаться с прогнозом погоды, но зонтик лучше захватить.

У нас-то самих что? У нас – разброд.

На Шипке все спокойно. В министерствах воруют-с. Народ пьет. Те, что не пьют, заламывают руки и шепчут: «Ну надо же что-то делать». Но в целом Русь, как ни странно, остается Святой, в чем невозможно сомневаться.

Мне кажется важным понять и почувствовать наступление того времени, когда громкие разговоры об Истине станут не нужны, бесполезны, внутренне невозможны. Это будет время, когда никто никого не услышит, а если и услышит, то не поймет, а если и поймет, то вызовет полицию. Тогда христианам скажут: «Хватит! Вы слишком долго пытались устроить мир на земле, но всем известно, что у вас получилось. Теперь порядок и счастье на земле будут зависеть от нас. Вы молчите!»

Как хорошо, что еще не наступило это время! Как хорошо, что говорить и можно и нужно!..

Напоминание

Человек мал, но у него есть свое большое прошлое. В это прошлое хочется временами входить как в лавку древностей. Хочется возвратиться хоть раз в город детства, где все деревья были большими. Хочется войти в дом, в котором родился, в школу, за одной из парт которой сидел. У каждого есть свое маленькое – может, и не священное, но дорогое – предание, вспоминая о котором, человек смягчается сердцем и ощущает разом и стремительность времени, и совершившиеся перемены, и таинственность бытия. Это – устойчивое свойство человеческой души, и в Евангелии оно тоже отображено.

Ангел говорит женам у пустого Иисусова гроба, что *Он предваряет их в Галилее; там Его увидите* (Мк. 16, 7). Почему Христос, пострадав и воскреснув в Иерусалиме, *предваряет* апостолов в Галилее? Митрополит Антоний (Блум) высказывает предположение, что там, в Галилее, где Господь провел большую часть времени с учениками, все должно было напоминать им о Нем. Там апостолы нашли свою *первую любовь* (Откр. 2, 4), которую нельзя оставлять. Там эта любовь должна была разгореться с новой силой.

Слово Божие неисчерпаемо, и у этого евангельского сюжета могут быть и другие толкования. Но есть еще в Новом Завете сюжеты, которые говорят нам о пользе, проистекающей из наложения одного события на другое, прежде бывшее. Это рассказ о призвании на апостольство Петра в его связи с рассказом о возвращении Петру апостольского достоинства после отречения.

Не один и тот же евангелист, но два разных – апостол Лука и апостол Иоанн – рассказывают об этих событиях. Апостол Лука в пятой главе Евангелия рассказывает о бесплодной ловле рыбы Симоном в течение всей ночи. Из его лодки Господь учил народы, отплыв несколько на глубину. Когда же закончил, повелел Симону отплыть еще дальше и закинуть сеть. Симон вопреки бессонной ночи, не принесшей улова, проявляет послушание и забрасывает сеть. *Сделав это, они поймали великое множество рыбы* (Лк. 5, 6). Будущий апостол ведет себя не как ищущий чудес, но как человек, чудес недостойный. Он падает в ноги Христу и просит Того выйти, ибо он, Симон, *человек грешный* (Лк. 5, 8).

Апостол Петр увидел тогда, что дела, невозможные без Иисуса, становятся с Ним возможными. И апостолу Петру вскоре предстоит делать невозможное – ловить народы в сети евангельской проповеди. Он должен хорошо понять и твердо запомнить, что это невыполнимо без помощи Самого Христа. Если же Христос рядом, тогда все по плечу. И вот рыба поймана, но – поскольку дело не в ней, новые горизонты начали открываться, – *вытащив обе лодки на берег, оставили всё и последовали за Ним* (Лк. 5, 11).

Все в этом рассказе достойно внимания: и послушание Петра вопреки очевидности, и стремительно наполнившиеся сети, и смирение апостола, исповедующего себя грешником перед лицом явного чуда. И вот прошло несколько кратких и насыщенных событиями лет Господней проповеди и служения. Много раз видел Петр кроткое, непоказное всемогущество Сына Божия. Видел воскресавших мертвецов; видел рыбу, имеющую во рту деньги, достаточные для уплаты храмового налога; видел он и тысячи людей, насытившихся малым количеством пищи. Слышал на горе голос Отца во время Преображения. И сам он, бывший рыбак, удостоился по дару свыше исповедать Иисуса Христом, Сыном Бога живого (см.: Мф. 16, 16).

Но все же отрекся Петр. Наступили дни невыносимой скорби, и «камень» дал трещину. Смелый и решительный, заранее готовый идти за Христом и в темницу, и на смерть, обнаживший меч в Гефсимании, Петр трижды отрекся от Учителя и Господа во дворе первосвященника. То, что затем творилось в его душе, не поддается описанию.

Когда он, нося в себе позор и горечь отречения, возвращается к рыбной ловле, то какой невыносимой скорбью должны были звучать его слова: *иду ловить рыбу* (Ин. 21, 3)!

Неужели опять к сетям и лодкам, к ночному труду ради прокормления семьи ты возвращаешься, Кифа? «Да, – думал Петр, – только я уже не Кифа. Я снова Симон, сын Ионы. Я ловец всего лишь рыбы, а не чело-веков, как говорил Господь».

И тот лов тоже был грустным. Грустным и бесплодным. *Не поймали в ту ночь ничего* (Ин. 21, 3). Возможно, и место ловли было недалеко от места призвания на апостольство. И вот Господь снова призывает Петра к Себе и к апостольству. Призывает тем же способом, каким уже однажды к Себе приблизил.

А когда уже настало утро, Иисус стоял на берегу (Ин. 21, 4). Он спросил учеников, поймали ли они что-то. И когда услышал, что нет, повелел закинуть сети с правой стороны лодки. И вновь рыба со всех сторон озера поспешила в сети, чтобы послужить Иисусу послушанием. И опять сети за краткое время стали тяжелы. Тогда Иоанн сказал ошеломленному Петру: *это Господь* (Ин. 21, 7), и нагой Петр бросился в воду и поплыл к Тому, от Кого отрекся, но Кто не отрекся от него.

Быть может, если бы бывший сборщик податей Матфей согрешил так, как Петр, ему пришлось бы вернуться к службе мытаря. Тогда Христос опять бы нашел Матфея возле стола для сбора пожертвований и Матфей умилился бы от любви Христовой и от воскресшего чувства первой встречи. Но Петр был рыбак, и Господь вновь находит его на озере, чтобы смирить троекратным вопросом: *любишь ли ты Меня?* (Ин. 21, 15).

Посредством того же чуда, которым Петр был призван на апостольство, Христос еще раз призывает Петра и возвращает ему достоинство, утраченное отречением. Теперь, дважды повторенное, это чудо, а вместе с ним и верность Учителю должны начертаться на сердце апостола Петра неизгладимо.

Так бывает не только у апостолов. События нашей внутренней священной истории могут повторяться. Если они всякий раз будут новыми и ни на что не похожими, мы, как невнимательные, будем легко их забывать. Но, повторившись по Промыслу и наложившись одно на другое, они в трудное время начинают особо ярко сиять и звать нас к покаянию. Вторичный призыв, схожий с первым, воскрешает в нашем сердце *первую любовь*, которую нельзя оставлять. Память способна вернуть человека в детство – и в детство по возрасту, и в детство по вере. А таковых – *как дети* (Мф. 18, 3) – есть Царство Небесное.

Бедные или богатые?

Кто более показывает успехов в вере и благочестии, богатые или бедные? Если по Писанию, то – бедные. Немудрое, немощное и незнатное мира избрал Бог, чтобы посрамить мудрых, сильных и что-то значащих (см.: 1 Кор. 1, 26–28). И еще сказано: *Не бедных ли мира избрал Бог быть богатыми верою и наследниками Царствия, которое Он обещал любящим Его* (Иак. 2, 5). Поэтому: *Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бедствиях ваших, находящихся на вас* (Иак. 5, 1).

Так в Писании, но не всегда так в истории. Если народ темен и безграмотен, а достаточного количества пастырей добрых и проповедников неутомимых у него нет, тогда веру надо искать в среде людей, хоть как-то знакомых с книжным просвещением и благолепным богослужением. Веру то есть надо искать среди князей, начальников, вождей, близких к епископским кафедрам, учащих с детства. Так и было в нашей истории, когда хранителями веры долго были благоверные князья, а сама вера в первые столетия по Крещении Руси принадлежала более элите и носителям власти, нежели народной массе.

Бедный может быть забит нуждой, ограничен в стремлениях, неразвит, тогда как богатый пользуется широким кругом возможностей для личностного роста. Но и наоборот: бедный может быть посреди скромности и скудости благочестив, может искать небесной жизни вместо тяжелой земной, а богатый может увязнуть в удовольствиях, в гордости и дойти до полного забвения Бога. Жизнь во множестве предоставляет нам примеры как одного, так и другого порядка. Но хуже всего, когда ни богатый, ни бедный не знают Господа. Бывает так во времена, предшествующие жестоким и справедливым карам.

Вот читаем у Иеремии: *Походите по улицам Иерусалима, и посмотрите, и разведайте, и поищите на площадях его, не найдете ли человека, нет ли соблюдающего правду, ищущего истины? Я пощадил бы Иерусалим* (Иер. 5, 1). Подобное нравственное искание было и среди «языческой неплодящей церкви». Там Диоген зажигал среди дня светильник и говорил, что ищет человека. «Вижу обжорливых медведей, похотливых жеребцов, упрямых ослов и ядовитых змей, но никак не людей», – говорил позже и возмущенный Златоуст. Голос сей – *не найдете ли человека?* – и сейчас актуален.

Далее пророк мыслит о том, с чего мы начали. Он понимает, что благочестие богатых и бедных не одинаково. И сказал он сам в себе: *это, может быть, бедняки; они глупы, потому что не знают пути Господня, закона Бога своего; пойду я к знатым и поговорю с ними, ибо они знают путь Господень, закон Бога своего* (Иер. 5, 4–5). Ход мысли обусловлен обычаями народной жизни. Если неграмотный простолюдин знал только то, что ему объяснит наставник, то богатые читали сами и могли учиться постоянно. Иудейские цари, к примеру, с некоторых времен обязывались переписать Тору собственноручно (!) и поучаться в ней день и ночь. Но что увидел Иеремия?

Он пошел к знатым, но *и они все сокрушили ярмо, расторгли узы* (Иер. 5, 5), то есть свергли иго заповедей и живут по злему самоволию. Вот это и есть нравственная картина, предшествующая всенародному бедствию. Ни богатый, ни бедный не знают Господа, как перед потопом. *Господь с небес призрел на сынов человеческих, чтобы видеть, есть ли разумеющий, ищущий Бога. Все уклонились, сделались равно непотребными; нет делающего добро, нет ни одного* (Пс. 13, 2–3).

Мы ныне претерпеваем бурные наружные изменения, и нам мнится, что жизнь меняется. Но происходят ли перемены внутри, там, куда зрит Всевидящее и Недреманное Око? Может быть и так, что злое нутро наше упорно отбрасывает саму возможность благой внутренней перемены, считая, что Богу и перемены внешних одежек должно быть довольно. Если это так, то все мы – лицемеры и оскорбители Всемогущего.

Богатый и бедный живут под одним небом и говорят на одном языке, но совершенно не понимают друг друга. Особенно если богатый нечестив, а бедный благочестив или, наоборот, бедный нечестив, а богатый благочестив. Но горе в квадрате, если нечестивы оба. Тогда народ обречен и в обречении своем похож на виноградник после уборки: *ни одной ягоды для еды, ни спелого плода, которого желает душа моя*. Это слова пророка Михея, вздыхавшего: *Не стало милосердых на земле, нет правдивых между людьми... Лучший из них – как терн, и справедливый – хуже колючей изгороди* (Мих. 7, 1–2, 4).

Нас по-прежнему жарче всего интересуют вопросы имущественного неравенства. Бедные раздраженно вопят, богатые хитро отмалчиваются, а на повестке дня – вопрос о справедливом распределении средств и прибылей. Но если богатые и бедные равно нечестивы, то справедливость, во-первых, невозможна, а во-вторых, не нужна.

Она невозможна, поскольку люди, любящие только свою выгоду и грех, не способны думать ни о ком, кроме себя. А не нужна, поскольку справедливое царство хищных животных вряд ли является идеальным устройением человеческого общежития.

Давайте подумаем об этом, братья и сестры. А потом походим по улицам Иерусалима (Москвы, Челябинска, Питера, Кельна...) – посмотрим, разведем и поищем. Может, найдем человека? Может, Господь пощадит?

Верность

В марте 1974 года, через двадцать девять лет после выхода Японии из войны, на одном из Филиппинских островов закончил «свою войну» один из японских воинов младший лейтенант Онода. В конце сорок четвертого он получил задание от майора Танигути и приказ воевать до тех пор, пока лично Танигути не даст команду «отбой». Дальнейшие события превосходят всякую фантазию.

В 1946 году по чащобам острова Лубанг (место описываемых событий) в сопровождении американских солдат ходит японец с мегафоном и оглашает джунгли вестью о капитуляции Японии. На его призыв сложить оружие из леса выходят разрозненные группы японских солдат. Оноды с подчиненными среди них нет.

Его группа редеет. Один солдат сдается в плен в 1951-м. Через три года в перестрелке погибает второй. Еще через восемнадцать (!) лет погибает последний соратник Оноды. Но тот продолжает выполнять приказ. Одна за другой остров посещают делегации из Японии. В их составе родственники Оноды – отец и брат. Отец выкрикивает строки хайку:

Сколько воспоминаний
Вы разбудили в душе моей,
О вишни старого сада!

Сын слышит голос отца, но приказ выполнять не перестает. Наконец к воюющему офицеру приезжает его непосредственный командир. Среди филиппинских джунглей стоящему навтыжку с винтовкой Оноде майор в отставке Танигути отдал приказ об отмене боевого задания. Война для Оноды закончилась.

Вот уникальный пример верности долгу, присяге, императору. Думаю, что если бы Онода был христианин и ему случилось бы попасть в руки мучителей, требующих отречения от Господа, то Церковь имела бы в святцах еще одно имя – мученик Онода. Верность и твердость в одном неизбежно проявились бы и в других областях жизни.

* * *

Как правило, говоря о верности, мы касаемся одной из нескольких основных тем: это верность Богу, верность в браке и верность Родине. Все три типа верности связаны между собой. Причем верность религиозная служит связующим звеном между двумя другими. Верность Родине чаще всего имеет религиозное измерение: это любовь к святыням алтарей, к «отеческим гробам», к священной истории своей страны и готовность за них умереть.

Верность семейная насквозь мистична и является прямым подобием верности Богу. У пророка Осии кланяющиеся идолам евреи уподоблены блудливой женщине, которую любит муж и которая, однако, постоянно изменяет ему. И апостол Павел уподобляет глубину отношений супругов отношениям Христа и Церкви.

Так что получается, в центре понятия верности расположены Бог и человек в своем отношении друг к другу. Затем, вблизи этой сердцевины, находятся верность супружеская и гражданская. Далее идут верность данному слову, взятым обязательствам и прочие виды верности, плавно перетекающие в то, что мы называем честностью, надежностью, порядочностью.

* * *

Чем выше дерево, тем глубже и мощнее его корень. Говорят, что корень столь же глубоко в земле, сколь высоко дерево поднимается стволом и ветвями. Должен быть корень и у верности. Это – религиозное и нравственное воспитание. У офицера Оноды и многих подобных ему таким корнем был и остается дух бусидо – моральный кодекс самураев, ставший одним из основ японской культурной традиции. Очевидно, что у нас должны быть свои корни, дающие подобные плоды. Это – вера в Бога.

Самый грубый слух не может не улавливать корневую связь между двумя этими понятиями – вера и верность. Я слышал однажды от одного глубоко образованного человека, что в древней иудейской традиции верующим называли не того, кто верит, что Бог есть. Подобное «разрешение Богу быть» еще ничего не означает. **Верующий** человек означает человека **верного**, человека, через исполнение заповедей доказывающего свою **преданность** Господу. Отсюда несокрушимая твердость трех отроков в Вавилоне. Отсюда же мужество Соломонии и ее семи сыновей, чья мученическая смерть описывается в книгах Маккавейских.

* * *

Только Бог **абсолютно** верен Самому Себе и всему, что Он сказал. Человек всегда стремится к высшим степеням верности и других добродетелей. Таким образом, воспитание верности – это путь уподобления Богу. И подобно самой длинной дороге, начинающейся с первого шага, воспитание верности начинается с малого. Если ты сказал «я сделаю», значит, должен сделать. Если сказал «приду в восемь», приходи без пяти восемь, но никак не в полдевятого. Верность, как и выносливость, воспитывается путем тренировки, прививается. Говорят, купеческое слово ценилось больше любых гербовых бумаг с печатями.

В наше время людей больше всего волнует верность семейная, супружеская. Еще бы! Вера в Бога считается делом частным и весьма отвлеченным. Тема Родины размывается с каждым годом, и что-то, а может, кто-то стремится превратить человека в аморфного жителя земли без гимна и флага и, конечно, без чести и совести. Лишь бы с хорошим годовым доходом. Остается семья, остаются сложности взаимоотношений. Это еще печет, и боль этой темы хороша. Она доказывает, что человек жив. Если и эта тема его трогать перестанет, если безразличие распространится и на эту сферу жизни, то, значит, человека пора закапывать. Он уже умер.

Повторю: без верности Богу верность в личных отношениях – это всего лишь сентиментальная мечта или редчайшее исключение.

Но как ее в себе развить, воспитать, вырастить?

Думаю, нужно носить в душе правильные мысли: «В мире нет женщин, кроме моей жены»; «В мире нет мужчин, кроме моего мужа»; «Я не должен (не должна) этого делать. Господи, помоги мне!» Чем это не броня? Мыслящий подобным образом человек похож на рыцаря в доспехах.

Слово «блудить» означает не просто телесные действия известного рода. Блудящий человек – это человек блуждающий. Он, как неприкаянный, бродит туда и сюда, он не нашел ни себя, ни своего места в жизни. Во время этого броуновского, то есть беспорядочного, движения он входит в контакт с такими же приبلудами, как сам. Но человеку нужен якорь. Нужна ясная голова и твердая почва под ногами.

И верность Богу, и верность человеческая испытываются. То есть искушаются. Взрослая вера – это осанна, прошедшая сквозь горнило страшных сомнений. И глубокие, верные

отношения – это две жизни, огнем испытаний сплавленные воедино. К этому нужно готовиться.

Если воин идет на битву, то ему нельзя слушать жалостливые или похотливые песни. Его дух нельзя расслаблять. Пусть только удары меча о щит и мужественные звуки военных песен доходят до его слуха. Жизнь – тоже битва, и горе тому, кто войдет в ее гущу в соломенной шляпе и тапках на босу ногу.

Отнимите у человека семью, веру, Родину – что от него останется? Нечто странное, имеющее вид человека. Нечто похожее на стоящий в витрине манекен. Можно натягивать на него любые рубашки и пиджаки – он не согреет их своим телом, не передаст им свой запах. У него нет ни тепла, ни запаха. В редкие минуты, когда он захочет пооткровенничать, вы можете услышать горький рассказ о том, как у него украли веру, отобрали Родину и разрушили семью. Сострадайте ему и жалейте его, но знайте, что это – лишь малая часть правды. На самом деле он сам потерял веру, сам покинул Родину и сам развалил семью. И все потому, что был он самовлюблен и суетен, поверхностен и невнимателен. И еще – **он не был верен**. Ни Символу веры, ни воинской присяге, ни брачной клятве у алтаря.

Простите меня те, кто искал в моих словах о верности конкретных советов и рекомендаций и не нашел их. Я и сам хотел бы знать больше об этом священном предмете. Но вытащить из шляпы зайца, которого ты туда не положил, не сможет даже самый великий фокусник.

Мне, как и вам, еще предстоит долго учиться и самовоспитываться, чтобы достичь цели и насладиться плодами великой добродетели – верности. Богу, семье, Родине.

Блудный сын

Все слышали о свободе, равенстве и братстве. Всем должно быть понятно, что эти украденные из Нового Завета понятия со времени Французской революции изрядно изменили смысл, связавшись с образом обнаженной дамы во фригийском колпаке и на баррикадах.

Если забыть, что *Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода* (2 Кор. 3, 17), то слово «свобода» начнет выскальзывать из рук, как живая рыба, или исчезать, как пар, или становиться таким тяжелым, что люди добровольно начнут от свободы отказываться.

И равенства никакого в жизни нет – ни между полами, ни между народами, ни между личностями. Нет его ни в стартовых возможностях, ни в загробной участи, да и хорошо, что нет. В лесу, где на всех деревьях одинаково количество ветвей и листьев, ни одна разумная душа грибов собирать не согласится.

Но мы будем говорить о «братстве».

В своем библейско-историческом смысле братство скорее отпугивает, чем притягивает. Первое убийство (Каином Авеля) совершено внутри очень небольшой семьи. Брат пал жертвой братского удара. Иосифа Прекрасного тоже братья чудом не убили из зависти, сменив рабством возможное кровопролитие, и чудом затем не умер Иаков, увидев окровавленную одежду любимого сына. Братьями по отцу (Авраам ему имя) являются арабы и евреи. И что-то подсказывает мне, что вековечному конфликту между кровно родственным потомством Измаила и Исаака, конфликту, начавшемуся еще со времен изгнания из дому Агари, суждено длиться до скончания веков.

Знали бы французские революционеры Библию лучше, они не связывали бы так легкомысленно идею братства с одной лишь теплотой семьи и взаимопомощью. Помнили бы они тогда, что спор за наследство и борьба за первородство так же органичны для земного братства, как и возделенная теплота отношений.

Притча о блудном сыне тоже говорит о темных сторонах братских отношений. Внимание наше традиционно сосредоточивается на перипетиях жизни младшего братца, в котором каждый волен узнать себя: «Неблагодарный! Ушел, обидел родителя, все расточил, опозорился, дошел до дна, до свиного корыта. Теперь смиряюсь и иду домой». Слава Богу! Отец ждет! Теплота объятий, забвение обид, радость, покрывающая всё! Телец, одежда, пение – Евхаристия. И вот на заднем плане появляется старший брат. О нем мы говорим и думаем мало. А зря.

Уж такова наша жизнь, что если кто-то искренне радуется нашему возвращению, то кто-то непременно спросит: «Ты зачем пришел?» Есть такое и в семьях, есть такое и в Церкви. Братья дерутся за внимание родителей, иногда за первородство дерутся даже в материнском чреве (Фарес и Зара в утробе Фамари). Почему бы тогда и народам, к примеру, не оспаривать свое первенство в Божией семье? С этой точки зрения братский мир между народами и есть постоянное оспаривание первородства. Узнаёте историческую и богословскую риторику на эту тему?

- Мы первые к Богу пришли, а вы потом у нас научились.
- Да если бы не наши штывы, что было бы с вашими библиотеками?
- Вы всегда были варварами, и вся ваша сила только в количестве людей.
- У нас больше святых.
- А у нас храмы выше.
- А мы поем красивее.

И так далее, и тому подобное. Армяне, греки, русские, грузины, сербы, поляки... Все вообще в Единого Бога верующие народы способны опознать свое мрачное безумие в этих

репликах, а значит, и в этой ежегодно читаемой и разбираемой притче. При этом ссоры о первородстве и споры за Отчую любовь таковы, что о братстве уже речь не идет. «Этот сын твой», – говорит о младшем брате отцу брат старший. То есть он вернувшегося отказывается братом назвать, что означает «лучше бы он умер» или «мне он больше не брат».

Земля такая большая, а нам так мало на ней места. И мотив смерти, которой мы желаем для кого-то или кто-то желает для нас, так явно проступает на поверхности жизни, как симпатические чернила на проявляемой шифровке. Митрополит Сурожский Антоний отмечал, что просьба «дай мне мою часть имения» означает «умри быстрее», так как в обладание своей долей собственности вступали только по смерти родителей. Хочешь жить по своей воле, нужно, чтоб отец умер и оставил наследство. Вот так. И даже если отец этот – Бог, смысл не меняется. Сказал же Ницше (не от себя одного, а от лица миллионов, ощутив общее настроение), что «Бог умер». Так смерть заползает в невинную по виду просьбу о разделе имения. И так же точно смерть заползает в слова старшего сына о младшем: «Сын твой». «Сын твой» означает «не брат он мне», то есть «нет у меня брата», то есть «умер брат мой».

Для отца блудный сын как раз был мертв, когда отсутствовал, и ожил – вернувшись. Он так и говорит: *Был мертв и ожил, пропадал и нашелся* (Лк. 15, 24). А для старшего брата наоборот – младший был жив в воспоминаниях, пока отсутствовал, но вот пришел и – умер. Духовно умер, перестал быть братом.

Причина мрачности старшего – сильная любовь отца. Эта любовь выше человеческой, и оттого она может мучить своей высотой и чистотой. Старший мог бы сказать отцу: «Я не злился бы так и не обижался, если бы ты любил этого мота и транжиру меньше. Ты бы мог поругать его, пожурить, побить даже. Мог бы поддержать между слугами пару недель и покормить объедками. А ты вот так сразу – одежду, перстень, сапоги, тельца. Обидно мне. Если бы ты его ругал, то я бы даже жалел его и подкармливал. И еще мне обидно, что мой смиренный труд в тени твоего имени почти не заметен, словно его и не было. Неужели нужно нагрешить и пройти через стыд и потери, чтобы войти в новую радость и попасть в твои объятия? Непонятно мне. Непонятно и обидно».

Так скулит эгоизм, которым мы пропитаны. Но есть и правда в этих вопросах, и нужно отдать этой правде должное. Бог непонятен. Мысли Его – не наши мысли. Любовь Его – то строгость высоких требований, то всепрощение. Все, что от Него и в Нем, и с Ним – выше ума и больше всех ожиданий. Поэтому старший сын не похож поведением на отца, не дотягивает до его высоты, не может забыть себя, не умеет радоваться.

В Неделю мытаря и фарисея мы справедливо говорим, что черты того и другого уживаются в нас. И грешим, и гордимся, и молимся напоказ, и считаем себя лучшими других. Но и стенаем, и пытаемся принести чистую молитву, и опускаем глаза. Всё в нас есть. Так и с братьями – блудным и верным. Оба – в нас.

О внутреннем тождестве жизни нашего сердца, его духовной истории и истории блудного сына и говорить нечего. Это – наш портрет. (О! Божественное слово Божественного Учителя! Всего несколько предложений, а в них – все нутро детей Адама!) А вот узнаем ли мы себя в старшем сыне? Это вопрос. Подумаем сегодня над ним. Вот список наводящих вопросов.

Кому завидуем?

Кого считаем несправедливо благодетельствованным от Бога?

Кого из ближних или дальних называем недостойным милости?

Кого не хотим братом назвать?

Какие свои труды считаем несправедливо забытыми Богом?

За что на Отца ропщем и обижаемся?

Вот пишу и чувствую, что все вопросы меня непосредственно касаются. И до чего же это трудное занятие – узнавать себя в самых непривлекательных людях.

Три сотника

Один сотник заставил Господа Иисуса Христа удивиться. Христу открыта глубина сердца, Он повелевает стихиями, отгоняет смерть... Его трудно удивить. Но когда сотник сказал: *скажи только слово, и выздоровеет слуга мой* (Мф. 8, 8), Христос удивился. Такой веры Он не нашел даже в Израиле, среди потомков пророков, а тут – язычник, римский воин...

Второй сотник уверовал там, откуда убежали все апостолы, кроме одного – Иоанна. Жители Иерусалима, в тот час стоявшие под Крестом, словно договорились исполнять Давидовы пророчества. *Раскрыли на меня пасть свою, как лев, алчущий добычи и рыкающий* (Пс. 21, 14). И еще: *Ибо псы окружили меня, скопище злых обступило меня, пронзили руки мои и ноги мои. Можно было бы перечесть все кости мои; а они смотрят и делают из меня зрелище; делят ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий* (Пс. 21, 17–19). И вот когда одежду делили, и жребий бросали, и пасти раскрыли, как алчущий лев, и сделали зрелище из Невинного, другой сотник произнес: *Истинно Человек Сей был Сын Божий* (Мк. 15, 9). Звали того сотника Лонгин.

Третий сотник был богат милостью и молитвой. Его звали Корнилий. Слова, сказанные о нем апостолом Лукой, напоминают слова, сказанные о праведном Иове: *Благочестивый и боящийся Бога со всем домом своим, творивший много милостины народу и всегда молившийся Богу* (Деян. 10, 2). К нему в полдень пришел ангел, но сам ничему Корнилия не учил (Богу угодно, чтобы не ангелы, а люди вразумляли людей). Ангел только повелел найти в Иоппии Симона, именуемого Петром: *он скажет тебе слова, которыми спасешься ты и весь дом твой* (Деян. 10, 6). Этот третий сотник расширил границы проповеди. Он убедил апостола Петра проповедовать Христа не только иудеям, но и язычникам – сам Корнилий на его глазах стал причастником Духа Святого. *И если Бог, – сказал апостол Петр, – дал им такой же дар, как и нам, уверовавшим в Господа Иисуса Христа, то кто же я, чтобы мог воспрепятствовать Богу?* (Деян. 11, 17).

Не римский солдат и не римский военачальник, но каждый раз один лишь сотник фигурирует в евангельских рассказах, содержащих похвалу римским военным. Сентурион (центурион) – так красиво и будто позванивая амуницией звучит это слово по-римски. У центуриона под рукой плюс-минус сотня солдат, отсюда и имя. В отношении к нашему офицерству центурионы похожи на командира роты в самом скромном варианте и командира батальона на вершине возможностей. По социальному же статусу они – старшины или прапорщики, впрочем, боевые прапорщики, которым у нас полковники с уважением руку жмут. Римские писатели изображали центурионов выносливыми вояками, далеко и сильно метящими дротик или копье, орудующими мечом и щитом, но главное – умеющими вдохновить воинов и поддерживать дисциплину как во время походной жизни, так и в критических боевых ситуациях. Между тем от сотника требовалось не лезть в бой очертя голову и даже не искать боя. Он должен быть осторожен и осмотрителен, и только если бой неизбежен – стойким до смерти. Все это уже важно для ответа на наш вопрос – почему центурион? Центурион опытен. Он не лезет в бой, как мальчишка, и не пьянеет от тщеславия, как полководец на победном пиру. Он часто видел смерть и поэтому должен беречь людей. Свой путь к командной должности он проходит по ступеням, а не прыжками. Сотником нельзя стать, не достигнув тридцати лет. А время до тридцати проведено в походах, тренировках, схватках, беспрекословном послушании. Смерть не раз приходила к нему, чтобы потрепать то по плечу, то по щеке. И всякий раз от ее прикосновений оставался новый шрам. Оттого смотреть в упор на сотника трудно – глаза сами опускаются. Вся тяжесть организации повседневной жизни в легионах ложилась на плечи этих людей. Разбивка лагеря, чистка амунициы, трени-

ровки, увольнения – все по его окрику. Спорить с ним легионерам или просто прекословить было нельзя под угрозой немедленной казни. Даже если сотник замахнулся для удара, провинившемуся угрожает смерть, если он дернется защищаться.

Одних людей такое кровавое и суровое ремесло учило ценить хрупкую человеческую жизнь. Таким был, вероятно, капернаумский сотник, с великой верой просивший об исцелении отрока. Иные, без сомнения, черствели, и таковых всегда больше. Оттого не все сотники вообще ходили за Иисусом, как и не все блудницы омывали Его ноги слезами. Все это – редкие, но очень характерные и не случайные примеры. Самый важный человек в любом ответственном и многолюдном процессе – представитель срединного звена. На строительстве – это прораб, находящийся между начальником строительства и армией каменщиков, штукатуров и крановщиков. На производстве – это начальники цехов, которые ходят на ковер к директору и сами распекают рабочих и мастеров в скромных каптерках. В образовании – это директор школы, находящийся между детьми и учителями снизу, и министерством и контролирующими органами сверху. На судне, где все важно, посередке окажется боцман или кто-то из помощников капитана. Центурион именно таков. Без них жизни нет.

Все, что в человеческом обществе движется и живет – движется и живет благодаря опыту и энергии представителей срединного звена. Они хорошо знают жизнь нижних чинов, ибо сами родом оттуда. И они же близко знакомы с высшим начальством, от которого получают приказания и к кому входят с докладом. По сути, они знают все, насколько эти громкие слова относятся к человеку.

У нижних чинов в римской армии нет и не может быть (за редким исключением) инициативы. Чтобы солдату уверовать, нужно, чтобы вера пропитала саму солдатскую среду, чтобы солдат солдату на ухо в дозоре или на отдыхе рассказывал о Воскресении. Это совершилось со временем, и на это ушли столетия. До тех пор пока вера не пропитает все общество, не просочится в армию и не станет внятной для всякого слуха, простому солдату нет возможности заинтересоваться новым учением, вникнуть в него. У него даже нет времени размышлять о нем. Поэтому римских солдат возле Христа мы и не видим. Сотник в более выгодном положении. У него больше личной свободы, денежное довольствие его превышает солдатское в несколько раз. У него не только денег больше, у него больше свободного времени, этого подлинного богатства, без которого не происходит развитие личности. У сотника есть возможность вникать в религиозные учения оккупированных стран, приглашать для беседы адептов, размышлять, читать. Если говорить собирательно, то у этого грозного рубаки, уже заработавшего пенсию и достигшего второй половины жизни, многое способствует пробуждению интереса к вечности, к Богу.

Но тогда напрашивается мысль, что высшее начальство еще более предрасположено к Евангелию и к усвоению его. Ведь у них еще больше личной свободы, плюс они образованы. Почему же восхваляются не консулы и проконсулы, не прокураторы и императоры, а сотники? Чтобы ответить на этот вопрос, стоит вспомнить, с каким страхом слушал Пилат крики толпы: *Если отпустишь Его, ты не друг кесарю* (Ин. 19, 12). Пилат в Евангелии выглядит не более свободным, нежели разбойники, обреченные на смерть.

Вот и ответ. Большие люди связаны еще большими страхами, нежели люди маленькие. У них больше времени и денег, но пропорционально к своему богатству они богаты страхом. А еще: развращением, умножившимися похотями, тщеславными мечтами. Есть среди них льстецы и хитрецы, которые снуют вдоль стен по коридорам дворцов, а во время войны живут вдали от поля боя в дорогих палатках с обозом слуг и любовниц. Есть те, которые готовы слушать мудрецов и проповедников, но не ради истины, а чтоб время до ужина убить. Сотник отличается от всей этой развращенной знати так же, как отличается бригадир нефтяников с буровой платформы в Северном море от столичного мажора. Нужно думать, что в случае прихода в веру обоих (мажора и бригадира), образ жизни их еще очень долго будет

сильно различаться. Добавим еще, что среднестатистический сотник не склонен мечтать о себе. Ему известна высота планки, выше которой прыгать не стоит. Именно эта высота неизвестна тем, кто уверен, что правит миром. Эти на глубинах безумия способны соперничать с Самим Господом Богом. А приближенные их подобно Пилату боятся доносов в Рим; подобно Сенеке пьют только проточную воду, опасаясь яда.

Итак, не великие и не малые, не одетые в пурпур и не выстроенные в шеренги в отливающих на солнце латах, а сотник, один лишь сотник выступает на страницах Евангелия из плотной римской массовки. Он выходит вперед и от лица всего римского мира, уже стоящего на пороге новой веры, говорит Христу: *я недостойн, чтобы Ты вошел в дом мой, но скажи только слово...* (Мф. 8, 8).

Ну а мы, глядя на него, а также на двух его братьев по оружию и вере, Лонгина и Корнилия, начинаем смутно понимать кое-что. А именно – как важен во всяком серьезном деле закаленный человек средних лет, помещенный в самую середину сложного коллектива, хорошо знающий свое дело, не хватающий звезд с неба, но достигающий главного – богопознания.

Победы и поражения

Великие победы и великие поражения способны меняться местами. Поэтому великие победы опасны. Они требуют особых даров и внутренних состояний для того, чтобы не привести за собой катастрофу.

Победившему естественно загордиться. Победившему хочется расслабиться. А ведь войны, если честно, не прекращаются. Они лишь меняют характер ведения и интенсивность. Поэтому победивший часто находится в большей опасности, чем проигравший. Сокрушенные и поверженные в прах после Второй мировой войны Германия и Япония нашли в себе силы восстановиться психологически и физически, залечить раны и сделать выводы из произошедших катастроф. Это своеобразный подвиг, требующий не меньше мужества и волевых усилий, чем одержанная победа, а иногда – и больше.

Разговор на эту тему мне кажется очень важным.

Восстановление начинается с малого. Восстановление подобно собиранию крох. Люди потихоньку отстраиваются, потихоньку приходят в себя, со временем начинают робко улыбаться и радоваться первым успехам. Рождаются дети, на месте руин вырастает новое жилье, герои и предатели занимают свои места в учебниках истории, а продолжающаяся жизнь набирает обороты. Так бывает у проигравших. Зато у выигравших послепобедная эйфория вовсе не способствует собиранию крох. Она скорее способствует расшвыриванию буханок, и так начинается путь к будущему поражению. Так не обязательно должно быть, но так бывает.

Вот почему у Б. Л. Пастернака звучат такие строки: «Но пораженья от победы / Ты сам не должен отличать». Это аскетическое правило, требующее сдержанности в победных торжествах и терпеливого мужества в поражениях. Это правило работает на уровне как отдельного человека, так и целого народа.

Государство, победившее в последней мировой, распалось и исчезло. Народы, его населявшие и составлявшие, разбрелись по отдельным квартирам и в раздробленном виде превратились из субъекта мировой политики в группу разрозненных объектов. Иногда они мирно и устало живут бок о бок, но часто смотрят друг на друга волком. Из всего совместно прожитого и пережитого в память множеству людей врезалось, кажется, только плохое. А все хорошее забыто, брошено, не понято и не инвентаризировано в качестве исторического багажа. И что же дальше?

Я уверен, что патриотизм не ограничивается только гордостью за совершенные победы. Патриотизм не должен быть привязан только к неким датам, как пришвартованное к причалу судно. Патриотизм должен быть зрячим и постоянным.

«Скажите государю, что у англичан ружья кирпичом не чистят», – кричал в предсмертном бреду на казенной койке Левша. И это – верный образ патриота, знающего, что сегодняшняя расхлябанность завтра может быть оплачена большой кровью.

О чем бы кричал Левша сегодня?

Люди гибнут массово на дорогах от человеческого фактора чаще, чем от технических неисправностей. Детей продолжают убивать в абортариях с согласия мам или по их кровавому требованию. Наркотики и алкоголь действуют страшнее, чем иприт в годы Первой мировой. Ко всему этому можно добавить информацию, чье действие в современном мире тождественно действию оружия массового поражения. Вот они, войны, которые никто не объявлял, но которые ведутся и в которых мы проигрываем.

Что может быть горше подобных поражений? Что может быть трагичнее Гулливера, опутанного лилипутами? «Скажите государю...»

Можно не бояться открытых боевых столкновений, вести их умело и выходить из них победителем. Но можно затем терпеть сокрушительные поражения и реально, а не в пере-

носом смысле, погибать на полях иных сражений. О том, чтобы череда подобных поражений остановилась, должен думать каждый патриот и внук победителя Великой Отечественной.

Сказанное относится к тем, кому восторженная любовь к славному прошлому мешает оценивать угрозы и проблемы текущего дня.

Но есть и другие, те, кто не замечает в отечественной истории ни славы, ни успехов, ни подвигов; кто тоскующим взглядом смотрит «за бугор» и обо всем своем высказывается презрительно. Для этих людей в качестве противоядия нужен здоровый патриотизм и положительные примеры.

Неправда, что наша история черна и склеена из одних печальных страниц. Через шестнадцать (!) лет после окончания Второй мировой наш народ, понесший страшные потери, сумел без копейки кредитов отстроить экономику и раньше Штатов запустить в космос человека. Значит, были не только перекосы однопартийной системы и закрученные гайки военно-административной системы. Была еще и огромная жажда жизни, был научный гений, и трудовой героизм, и реальное братство. На фоне того подъема, к примеру, «лихие 90-е», кроме как трупом, ничем и не пахнут. И человек современный ничего хорошего пока еще не сумел добавить к своему психологическому портрету, хотя и горд собой не в меру. Человек стал циничен и подозрителен. Жадность и похоть царствуют в его сердце; именно поэтому он уверен, что «миром правят секс и деньги». Он часто раздражен и всех ругает. Замкнутый в узких пределах своего мирка, человек вздрагивает, видя дурные сны, оглядывается по сторонам на улице и ждет подвоха. Его смех стал злым, и слово «вечность» ему ничего утешительного не обещает. Если десять таких человек окажутся на необитаемом острове, то дело может кончиться каннибализмом.

На фоне нашего обмельчавшего современника несравненно лучше выглядят те, кто вынес на своих плечах все тяготы минувшей эпохи и остался человеком. Они действительно победители, причем не только в конкретно взятой самой страшной войне. Они победители всех колоссальных бед минувшей эпохи, достойные глубокого уважения: благодаря им жизнь не закончилась, но продолжилась. И святая память об их победах – одно из лекарств для растравленной и дезориентированной души нашего современника.

Вопрос Стива Джобса

У мира есть свои «жития святых». Это биографическая литература о людях, чью значимость одни активно пропагандируют, а другие молча принимают как данность. Такая литература неизбежна, потому что человек живет подражая. Он подражает как в мелочах, так и в таких серьезных вещах, как поиск цели в жизни, выбор жизненной модели поведения, формирование мировоззрения. Здесь ему без кумиров, о которых сказано «не сотвори», обойтись трудно. Должен быть кто-то умный и авторитетный (писатель, журналист, уважаемый политик), кто указал бы целому поколению на определенную личность, выбранную в качестве эталона, матрицы. Вот как В. В. Маяковский, к примеру, учил советскую молодежь:

Юноше, обдумывающему житье,
решающему —
сделать бы жизнь с кого,
скажу, не задумываясь:
делай ее
с товарища Дзержинского.

Из поэмы «Хорошо»

Здесь есть всегда место конъюнктуре, духу времени, прямому или опосредованному заказу. Но само явление – почти повсеместно.

Имена и роды занятий будут меняться. В одни времена в цене военные, в другие – представители самых мирных занятий. От исследователя морских глубин до футболиста, от кабинетного ученого до уличной певички в разное время и разным аудиториям будут предложены для восхищения и подражания разные личности, яркие и не очень.

Так, известный журналист Уолтер Айзексон написал не так давно биографию Стива Джобса. О влиятельности самого Айзексона сообщают скупые факты биографии: в прошлом он директор CNN и главный редактор журнала «Time» (!). Его книга – один из примеров своеобразного «жития», на которое современник может равнять шаг, откуда современнику предлагается черпать цитаты и примеры для обоснования своей жизненной позиции.

* * *

Над любым из великих всегда есть кто-то больший, а над всеми вообще есть Бессмертный. Тема взаимоотношений незаурядной человеческой личности с Творцом всегда важна. Ну не может сильный ум и независимая душа пройти мимо и удостоить молчанием Того, Кто воспеваем непрестанно от ангелов. Это простенький человечек, трогательный в своей уникальности, может либо иметь теплую и, как воздух, необходимую веру, либо не иметь ее вовсе, но никому не докучать своим безверием. А великий человек потому и велик, что влияет на многих и мимо грандиозных идей о Боге, смерти и смысле жизни пройти молча не способен. Собственно, у человека, условно названного великим, есть только два, нет – три, пути, точно так же, как у васнецовского витязя. Человек говорит: «Бог есть. Он достоин любви и служения. Я перед Ним – прах». Или: «Все, что касается Бога, превосходит мой разум. Я ничего не могу определенно сказать и не сужу никого за его религиозные убеждения». Ну и третий вариант: «Нет ничего. Все выдумала Церковь. А если что-то и есть, то все не так, как нам говорят».

Остается добавить, что иногда три дороги превращаются в три сосны, и человек никуда не идет по однажды избранному пути, а умудряется заблудиться и пробродить всю жизнь меж трех означенных сосен. С современным человеком это случается все чаще.

Так что же Стив Джобс? Что у него с этой темой, и пишет ли об этом Айзексон?

Пишет, и вот что.

«Пол и Клара не были истово верующими людьми, но хотели дать сыну религиозное воспитание и поэтому по воскресеньям брали его с собой в лютеранскую церковь. Но когда Стиву исполнилось тринадцать, он туда ходить перестал. Джобсы выписывали журнал «Life»; на обложке июльского номера за 1968 год была фотография голодающих детей из Биафры. Стив принес журнал в воскресную школу и спросил пастора:

– Если я подниму палец, узнает ли Господь, какой именно из пальцев я хочу поднять, еще до того, как я сделаю это?

Пастор ответил:

– Ну разумеется, Господу все известно.

Тогда Джобс показал снимок из «Life»:

– Знает ли Господь о том, что эти дети голодают?

– Стив, я понимаю, что тебе трудно в это поверить, но Господь знает и об этом.

Тогда Джобс заявил, что не хочет верить в такого Бога, и никогда больше не бывал в церкви. Правда, многие годы изучал и практиковал дзен-буддизм. Впоследствии, размышляя о своих духовных исканиях, Джобс говорил, что, по его мнению, лучше всего, если религия занята поисками истины, а не насаждением догматов. «Когда христианство сосредоточивается на принципах веры, вместо того чтобы стараться жить, как Иисус, видеть мир, как видел его Иисус, оно моментально теряет свою сущность, – сказал мне Стив. – Мне кажется, все религии – это лишь разные двери в один и тот же дом. Иногда я верю, что этот дом существует, иногда – нет. Это великая загадка» (Айзексон У. Стив Джобс).

Давайте заметим для начала то, что родители Стива «не были истово верующими людьми, но хотели дать сыну религиозное воспитание и поэтому по воскресеньям брали его с собой в лютеранскую церковь». Если люди сами верят так, как мокрое горит, то передать веру они не в силах. Признавая за верой воспитательные и прочие достоинства, они хотят, чтобы этими благами воспользовались их дети. Но, не имея самой веры и не любя ее за единственное подлинное достоинство – богообщение, такие родители обрекают себя и своих детей на череду лицемерных упражнений. Удивляться не стоит, что максималистски настроенные подростки со временем рвут с подобной религией и считают ее моралью лицемеров. Проблема эта касается не одних только лютеранских общин в Америке, но и всех вообще христианских обществ и требует отдельного изучения. Слишком велик соблазн прививать кому-то христианские ценности с той целью, чтобы воспитуемый стал образованным (культурным, порядочным) человеком, а самому при этом относиться к религии как не более чем священному пережитку.

Джобс перестал посещать службы в тринадцать – возраст говорит сам за себя. Но в эти же годы человека начинают тревожить нравственные вопросы. Это может быть как нечто личное (дружба и предательство, к примеру), так и глобальное, как то: обилие страданий и слез на земле, всеядность смерти и т. п.

Увязывать повседневную печальную реальность и кровавые сводки ежедневных международных новостей с учением о Благом Боге и взрослому нелегко. Здесь нужно суметь от сердца к сердцу сказать встревоженному человеку, что Бог не только не закрыл глаза на боль мира, но и Сына Своего Единородного послал, чтобы спасся Им мир. И пришедший в страдающий мир Христос не отменил страданий, но Сам взял их на Себя, окунувшись в их гущу. Блажен тот, кому смогли дать это ощутить старшие наставники. Блажен, кто, стоя на

коленях у распятия, не решает отвлеченных и теоретических вопросов, а со страхом удивляется Божественному милосердию.

У Стива было иначе. Смышленный мальчишка задал вопрос о сочетании всемогущества любящего Бога и непрекращающихся страданий людей. Не получив быстрого и меткого ответа, вряд ли возможного в условиях урока и неожиданности вопрошания, он поканчивает с религией для себя. Скорее всего, решение созрело раньше, а на уроке было лишь объявлено, манифестировано.

Удивительно, что в качестве знаменитой (из Достоевского) слезинки замученного ребенка, по причине которой миропорядок Божий отвергают в великой русской литературе, Стив выбрал детей Биафры. Никто из нас не покажет сегодня на карте это государство в Африке, потому что его нет. Просуществовав менее трех лет, оно исчезло в 1970 году, следовательно, является ныне Утопией – страной без места (по дословному переводу). Для теоретиков Города Солнца Утопия была страной, где все хорошо. Для бунтарей против Божиих порядков нужна иная «Утопия», город, где все плохо и на который Бог не обращает внимания.

Сильно жалея детей растаявшего в воздухе как дым государства, Стив отказался от Бога, в Которого толком поверить не успел. Но в своем отречении он проявил недетскую последовательность и твердость. Пряма Павка Корчагин. Осерчал на попа, насыпал махорки в квашню и на всю жизнь записался в атеисты.

Люди думают, что думать легко. Оттого ни одной мысли за жизнь многие до конца рискуют не додумать. «Ну ладно бы другие, но Джобс! – воскликнем мы. – Он-то должен был вести себя поумнее!»

А вот допустим, Господь заговорил бы с ним. Не в громах и молниях, как с Моисеем, чтоб не умереть тому от страха, а запросто, как в американских фильмах иногда показывают. Заговорил бы и сказал: «Стив, включи мозги. Ты неглупый парень. Представь, что мы с тобой накормим всех детей Биафры и даже всей Африки. Ты думаешь, они станут счастливы, а Мне добавится доброты? Ты ошибаешься. Человек страдает от тысячи причин, не связанных с хлебом насущным. И самого хлеба человеку не хватает не оттого, что хлеба нет, а оттого, что в сердце у людей живут жадность, жестокость, кровная месть, желание подавлять и властвовать, неуемный разврат, безумная гордость. Отсюда – все злое. Вот с этим давай бороться. Это есть и в тебе, и в других. В этой борьбе Я помогу тебе, а все остальное приложится». Заведи Господь со Стивом такой разговор, вернее – придумай себе Стив эту беседу, в ней могло бы быть сказано и о том, что множество черных детей Америки голодают, как черные дети Биафры. Хлеб у них есть каждый день. Но они также не имеют счастья, суррогат которого ищут в бандитской удали, бытовом разврате, странной музыке и дешевых наркотиках.

Этот разговор – моя фантазия. Ее можно смягчить заменой на другие слова. Русский писатель, сказавший о знаменитой слезинке, сказал также и о том, что настоящие проблемы человека начинаются тогда, когда у него есть хлеб на каждый день. Проблематику добра и зла Достоевский вообще продумывал до таких глубин, что любой серьезно мыслящий человек после знакомства с его книгами уже не сможет объявлять первопричиной зла что-то мелкое и временное. Например – машинное производство или женскую эмансипацию.

Умный человек вообще не должен упрощать проблему зла. С разных сторон к ней подходя, он должен со временем понять, что злая воля человеческая – самое разрушительное явление в жизни мира. Размышляя же о причинах злой испорченности этой воли, человек должен будет окунуться в священный мир религиозных преданий и откровений, обратиться к рассказу о грехопадении, о необходимости Искупления, к учению о грядущих судьбах мира. Религиозный подход к жизни умен и глубок, в отличие от полумер и поверхностных реакций, предлагаемых немоящимся умом.

Кроме уже сказанного есть и еще одна очень важная идея. Люди должны наставлять людей, помогать им, защищать их. Явно вмешиваться Богу или небожителям во всякое житейское дело означало бы, что люди – не люди вовсе, а злые существа, умеющие только портить жизнь себе и другим. Но человек человеку – маленький бог или бог после Бога, когда он учит, лечит, кормит, защищает ближнего.

У святителя Николая Сербского среди множества заметок и рассказов есть упоминание об одном художнике, который рисовал бедных людей. Матери с потухшими глазами, с истощенными детьми на руках у него получались очень трогательно и правдоподобно. Он заработал немало денег, рисуя чужую бедность. Но однажды он воскликнул: «Стоп! Хватит рисовать! Пора помогать!» Он стал миссионером, на что получил специальное благословение и остаток жизни провел в делах благотворительности и проповеди. Со временем он стал англиканским епископом. Фамилия его Туккер, а место многолетнего пламенного служения – Уганда, то есть все та же Африка.

Стив не был запрограммирован на ту судьбу, которую он прожил. Кто знает, как сложилась бы его жизнь, если бы в один из дней он показал учителю воскресной школы фото из журнала «Life» и спросил: «Можем ли мы, как христиане, помочь чем-то нашим бедным сверстникам в далекой стране?»

Возможно, корпорацию «Apple» создал бы в этом случае кто-то другой, и про этого другого влиятельный Айзексон писал бы со временем биографическую книгу.

Настоящая жизнь

Настоящая жизнь – это когда не грешат и не умирают. Если не умирают, но грешат – это ад. Если не грешат, но умирают – это животная, а не человеческая жизнь. Для полноценной человеческой жизни нужны одновременно бессмертие и святость. Об этой жизни тоскует наше сердце, и не успокоится оно, пока жизнь эта не наступит.

Как можно грешить в аду, где бытие продолжается, но жизнью его уже назвать нельзя? Там грешат унынием, самооправданием, злобой, отчаянием. То есть теми грехами, для которых не нужна плоть. Так живут бесы и те, кто на них похож.

На нашей земле грешат, но умирают. По этому смерть есть благо, как бы ни было тяжело с этой мыслью согласиться. Бессмертным злом стал бы человек и никогда бы не смирился перед Богом в случае «грешного» бессмертия. Смерть пугает, иссушает, лишает сил, заставляет молиться. Смерть порождает ужас. Ужас смягчается верой и надеждой. Если же вслед за верой и надеждой придет любовь, то ужас уйдет совсем и еще здесь человек приобщится к будущему блаженству, ощутит безгрешную вечность.

На земле не только грешат, но и упражняются в обретении святости. Душа приобретает навык, тяжело, с болью и плачем отрывает от себя грех и молится о даровании нового сердца. Эти труды вознаграждаются тогда, когда мы не будем жениться и выходить замуж, но будем как ангелы, войдя в свет всеобщего воскресения.

Грех и смерть связаны внутренне. Нельзя медицинскими и оккультными средствами стремиться к здоровью и даже к вечности и при этом быть нечувствительным к греху как главной проблеме человечества. Иисус безгрешен, Он же и бессмертен. То, что умер однажды, – за нас умер; а то, что живет, – живет по силе жизни непрестающей. В Иисусе душа человека усматривает все, о чем тайно тоскует и чего в себе самой найти не может. Видя в Иисусе все, что названо «единым на потребу», хочет душа соединиться с Сыном Божиим.

Долго молился святой Парфений, схимник Печерский, говоря: «Господи, живи во мне», и услышал: *Ядый Мою плоть и пийй Мою Кровь во Мне пребывает, и аз в нем* (Ин. 6, 56). Литургия преодолевает мирскую рознь и индивидуальную ограниченность и питает человека насущным Хлебом, то есть Хлебом, влияющим на всю сущность человека, на двуединство души и тела, на видимое в нас и невидимое.

Преподобный Онуфрий Великий долго жил вдали от людей, но не вдали от Церкви. Его молящийся дух был в единении со Вселенской Церковью, с Небесным Иерусалимом и собором ангелов. Ангелы приносили Онуфрию Причастие. Такие, как он, похожи на Адама, когда праотец был один и жена еще не была сотворена. Только они и Бог, больше никого. Но Адам не знал еще ни греха, ни покаяния. Он еще ничего не терял и не умел пламенно молиться. Адам блаженствовал, не оценивая по достоинству блаженство, ибо оно еще не было утрачено. Цену всегда назначает потеря или страх потери. А отшельники знали и силу греха, и благодать Божию. Они были не в раю, но в жарких пустынях, и вокруг были бесовские козни. Но если отшельники побеждали, то наступало внутреннее блаженство. Это самые великие люди на земле.

Быть человеком означает внутренне страдать оттого, что в тебе нет Бога. Если человек не страдает от отсутствия Бога в себе, то снаружи на нем незримо вырастает панцирь бесчувствия, подобный хитиновому покрову насекомых. У насекомых скелет снаружи. Нужно будет Богу ломать этот покров при помощи скорбей, чтобы человек опять стал слаб и нежен. Почти все страдания объясняются этим. Если же Бог не хочет ломать панцирь бесчувственного человека, то говорят: Бог забыл его. Такой человек оставлен без Отцовского внимания до Суда, и это – горе, но именно к этому состоянию жадно стремится мир.

Если бы хлебные зерна умели двигаться, они убегали бы от тех, кто хочет их перемолоть и получить муку. А святой Игнатий Богоносец добровольно шел на смерть к зверям в амфитеатр и просил христиан: «Не мешайте мне стать пшеницей Божией. Я хочу быть смолотым зубами зверей, чтобы стать сладким хлебом для моего Иисуса». Этот же блаженный муж призывал христиан любить Евхаристию и называл ее врачевством бессмертия.

Мы всё еще плохо знаем Христа, а иногда совсем не знаем. Так и Иоанн Предтеча говорил иудеям: «Посреди вас стоит Тот, Которого вы не знаете» (см.: Ин. 1, 26). И двое учеников шли в Эммаус, имея Самого Воскресшего Господа спутником и собеседником, но не узнавали Его, пока Он не преломил хлеб и не дал им. Вот и мы не видим, не узнаём, не замечаем Воскресшего Господа, хотя, по слову Исаака Сирина, Плоть Его и Кровь сокрыты в нас, причастниках Таинств. Стоит молиться: «Познайся и нам, Господи, в преломлении хлеба».

Измучен человек. Кто утешит и ободрит его?

Весь мир мал, как ореховая скорлупка, и вся жизнь коротка, как волос, обмотанный вокруг пальца. А между тем для постижения тайн, для молитвенных гимнов в одном хоре с архангелами сотворен человек. Как примирить эти крайности в одном маленьком сердце, что бьется в обычной груди?

Вот я моргнул – и слеза смочила глаз. Вот я вдохнул – и выдохнул, и повернул голову, и встал со стула. Тысячи сложнейших процессов ежесекундно сопровождают жизнь моего тела. В каждой капле крови моей скрыто больше информации, чем в библиотеке Ватикана. И неужели вся эта сложность сотворена лишь для того, чтобы исчезнуть навеки? Ведь те же люди куда более бережливы в отношении самых простых вещей. Люди даже плачут, если любимая безделушка ломается. А Бог? Плачет ли Бог над нашей бедой, над тем, что нас так много и всех без исключения ломает смерть?

Он плачет. Кто не верит, пусть спросит у Марии и Марфы, сестер Лазаря. Пусть спросит, как плакал Сладчайший Христос, чувствуя зловоние от мертвого тела Своего друга. Сначала Христос оплакал Лазаря и воскресил его. Затем сестры Лазаря оплакали Христа. Затем Он воскрес, чтобы больше никто не плакал.

Будет другая жизнь. В этой другой жизни Бог утрет все слезы с лиц человеческих.

Из глубины земли вверх поднимаются водные потоки, чтобы ручьями, родниками и источниками течь по земле, поить людей и животных. Из глубины сердца по временам закипают и поднимаются вверх слезы, подаренные Богом. Они поднимаются к горлу комком и затем льются из глаз утешительной влагой. Тот, кому знаком этот подарок, знает, что вместе с этими слезами приходит к человеку горячее желание никогда не грешить и сердечное чувство того, что жить мы будем вечно.

Церковь держит всё

Говорят: мир катится в пропасть. Хочется подправить этот тезис. В пропасть катимся мы.

Стоит нам остановить движение в опасном направлении, как мир тоже перестанет катиться, ибо он не самодвижен. Он от человека зависит, а значит, по слову Григория Сковороды, «мертвец сей ни в чем не виновен».

Прадед грешил, и груз грехов своих деду передал. Дед сей груз увеличил и на плечи сына взвалил. Сын продолжил процесс распада, и неясно, выживет ли родившийся от него человек, то есть его сын и внук его отца. Но если кто-то из них усилится остановить распад, то хорошо будет всем – и до него жившим, и после него жизнь имеющим. И в сторону неизвестного будущего, и в сторону туманного прошлого разойдутся исцеляющие лучи. Поэтому говорят: «В аду грешники улыбаются, когда на земле кто-то из их родственников в монахи уходит».

Весь вопрос в том, чтобы остановиться.

Нельзя спихивать проблемы на поколения, жившие раньше нас. Христос принял в родство и блудниц и язычников (читай первое зачало Евангелия от Матфея), чтобы никто не сказал: «А у меня в роду – одни воры и алкоголики. Я на эти грехи генами запрограммирован».

Никто ни на что до конца не запрограммирован, хотя прошлое и довлеет над нами. Но тем больше награда, чем тяжелее был груз.

Если отец в себе не исправил одну из душевных язв, то он на сына задачу переложил, причем задачу, собою же умноженную и усиленную. Страшно говорить об этом, но, судя по всему, никуда от этой правды не скроешься. Поэтому и «всяк за всех виноват».

Враг действует по-хулигански. Нападает из-за угла внезапно, вдесятером на одного. Отмашешься – хорошо. Не отмашешься – они тебя свалят и дальше пойдут. Рядом только одного из своих стоять оставят, чтобы тот тебе, поверженному, не позволял подняться.

Так армия победителей способна охранять или конвоировать тысячи побежденных солдат силами малого конвоя или охраны. В мире видимом и в мире невидимом многие законы войны совпадают.

Тот, кто дерется и не сдается, падает и поднимается, оттягивает на себя внимание многих врагов. Им больше ничем иным заняться недосуг. Как бы ни были они хитры и сильны, однако они – твари, а не Творец, а значит, в числе и силах ограничены. К тому же гордые они, и проигрывать до смерти не любят. Сначала умножают силы против одного непокорного, потом готовы всем адом на него восстать, лишь бы свалить и победить. А в это время, пока совершаются незримые битвы, ничего не подозревающее человечество может и спать, и просыпаться спокойно. Не до них врагу. Силы противника в борьбе с немногими праведниками хоть и не до конца, но связаны.

Такова практическая польза от святых. Кто-то где-то в пещере сидит и, кроме пения псалмов, дел не имеет. Но взводы, и роты, и полки невидимые с ним борьбу ведут, а значит, тысячам людей подарена передышка и обычный земной покой. Так и написано в службе преподобным: «Демонские погубил еси полки».

Значит, есть святой Антоний – паши, земледелец; пльви, мореход; пой колыбельные, женщина; можно лежать на диване с книгой; можно рисовать тушью. А нет святого Антония – мучьтесь, люди, от неуправляемых бед; ругайтесь, спивайтесь, завидуйте, суетитесь, с ума сходите; пропадайте в грехах, налетевших как буря.

Это – закон. Святые держат на плечах мир и дают множеству остального люда возможность радоваться и наслаждаться безгрешными удовольствиями.

Но дело не только в отдельных титанах духа. Дело в Церкви как таковой. Сами духовные богатыри нуждаются в том, чтобы служилась литургия, проповедовалось слово Истины и совершались прочие таинства. Без этого невидимого дыхания Духа никакой духовный силач на борьбу не способен. И в своих затворах и пещерах, на своих рукотворных столпах и природных скалах они, случись повстречать им человека из мира, тревожно спрашивали: «Как там? Открыты ли храмы? Не идут ли войной язычники?»

Церковь привычно сравнивают с кораблем. Вокруг – волны, у руля – Христос, впереди – пристань Божия Царства. Но Церковь – это еще и дерево. Она вдыхает углекислый газ людских немощей и беззаконий, а выдыхает чистый кислород богопознания и радости о Господе. Ты приносишь ей грехи, а уносишь от нее Дух. Ты приползаешь израненным, а уходишь на здоровых ногах. Ты бредешь в ее сторону, не зная, зачем жить, а уходишь со светлой головой и творческими мыслями.

Сколько ею спасены! Сколько обнадужены! Сколько в ней достигли святости!

Церковь держит всё!

Но будет так, что Церковь свернет всякую внешнюю деятельность и даже постарается скрыться от чужих глаз. Это будет в оные времена, о которых так много говорят и пишут, во времена последние. Тогда лжецеркви расплодятся, попытаются скопировать внешние черты Христовой невесты. Люди пойдут на эту видимость, но останутся пустыми, измученными и голодными.

Кто возжаждет Бога, тот найдет Бога. Но кто доволен одной лишь внешней поверхностью и обманчивой внешностью, тот развернется и уйдет совсем – и от подлинной Церкви, и от ее кажущейся видимости.

Церковь тогда почувствует, что она сама устала и изнемогла. Почувствует, что у нее нет сил спасать и отмаливать всех, что Истина не востребована, а от нее самой хотят того, что ей не свойственно. Тогда она уйдет в пустые места, предсказанные Апокалипсисом. И это будет не локальный, а всемирный уход. Это будет бегство, которое совершали настоящие монахи, уходя в пустыню. Бегство ради жизни.

Это будет также похоже на реченное в притче. Помните? Сказали мудрые девы девам немудрым в ответ на просьбу дать им масла для лампад: «Чтобы не стало так, что и нам, и вам не хватит, идите и купите себе» (см.: Мф. 25, 9).

Страшные эти слова. Они означают: «Нечем нам с вами делиться. Мы с трудом бережем свой огонь непотухшим. Заботьтесь о себе сами».

Нужно ли напоминать, что те пять дев, которым не дали масла, услышали из-за закрытых дверей: *Не знаю вас* (Мф. 25, 12)?

Вот тогда-то и будет, возможно, скорбь, которой не было от начала мира и больше не будет. И если от Креста не отошли только Богоматерь, Иоанн и Мария Магдалина, то кто же выдержит ту, будущую, скорбь?

Люди, далекие от молитвенной жизни, тоже почувствуют перемену в воздухе. Дышать станет трудно и жить станет незачем.

Это сегодня кому-то весело грешить и более-менее легко вставать после греховного падения. Ведь Бескровная Жертва приносится открыто и молитвы возносятся массово. Молитвы «о всех и за вся»!

Когда же Церковь оставит мир, ничто не обрадует грешника. Не обрадуют застолье и выпивка, не обрадуют танцы и музыка. И новости станут неинтересны, и еда невкусна, и покупки невозделенны. Отдых станет тяжел и поездки бессмысленны.

Ближний станет противен, но одиночество – невыносимо.

Толком никто не поймет, что же, собственно, происходит. И если сказать, что именно происходит, никто не поверит. Но грешник тоже живет Церковью, дышит Церковью, питается Церковью, пусть тайно, неосознанно, пусть даже в виде паразита. Он не чувствует этого

и спасибо за это не говорит. Но вот уйдет Церковь, чтобы не тратить даром силы перед последним искушением, – и все прочувствуют это. Все будут страдать.

Нужно благословить нынешнее, данное нам время. Не хулить его и не ругать чрезмерно. Оно лучше, чем могло бы быть, и, несомненно, лучше, чем неизбежно будет.

Мы живем в долг и за чужой счет. Это касается не только родителей и добрых учителей. Это касается и Церкви, которая самим фактом своего существования оказывает миру немислимое благо. Она рядом, и поэтому (не смейтесь) хлеб вкусен, а вода свежа, солнце греет, а не сжигает и ночь дарит отдых, а не мучит кошмарами. Пока все так, нужно всем над собою трудиться! Всем! Труды эти останавливают процесс падения в пропасть, который кажется холодным и объективным, а на самом деле во многом зависит от нас.

И каждый человек, решивший расправиться со своими застарелыми духовными недугами, совершает для всего мира великое благодеяние. Он облегчает жизнь, изгоняет грех. Не только из своей маленькой жизни, но из жизни вообще.

По сути, это единственный способ сделать мир чуть-чуть лучше: стать самому лучше, основываясь на евангельских критериях. Если у кого-то сей труд не бесплоден, то благодарность за него пусть будет принесена таким человеком не кому-нибудь, а Церкви. Да-да, Церкви с ее тайными и явными молитвами, с ее ходатайствами и подвигами лучших сынов, с той благодатью, которая в ней живет и через нее действует.

БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ

Наука быть счастливым зависит, кроме всего прочего, и от внимательности. Научись замечать окружающую красоту – и путь к счастью наполовину пройден. Счастливы народы, способные к созерцательности. Это те, кому зимой не нужно паровое отопление. У греков тепло – и там расцвела философия. На Востоке тепло – и там любят молча сидеть часами. Сидеть и думать.

Людам, вечно скачущим, холерикам, никогда не могущим успокоиться, созерцатели кажутся лентяями. Но это не лень. Временное молчаливое бездействие – это способ выживания, способ сохранения душевного здоровья. Как бы кто не спешил и как бы кто, напротив, не ленился, мы **все окажемся в одном месте в одно время**. Греки об этом догадывались, на Востоке это всем известно с детства.

Пережитый инфаркт заставляет ходить медленно. И не только медленно ходить. Он заставляет пропускать мимо ушей и глаз ту информацию, без которой раньше жизнь не мыслилась. Размеренно дыша и двигаясь неторопливо, равнодушно проходит выживший после инфаркта человек мимо рекламных щитов и газетных киосков, мимо баров и касс футбольного стадиона. Равнодушно потому, что еще недавно он лежал голый под простыней. Стены вокруг были кафельные и потолок белый. В венах торчали иглы, а во рту была трубка. А теперь он идет на своих ногах, втягивает носом холодный воздух. Он жив и счастлив. Больше ничего не надо.

Есть радикальные способы осчастливливания несчастных людей. Собственно, это – способы вразумления или, что то же самое, способы вправления мозгов. Человек не замечает воздуха, хлеба, свободы, здоровья. Не замечает, не ценит, не наслаждается. Вместо этого он томится жаждой славы, завистью, мечтами о неземной любви или огромном богатстве. Стоит забрать у него на малое время истинно необходимые вещи, а потом, когда тоска о второстепенном сменится жаждой необходимого, вернуть их ему.

Людам трудно режиссировать исправительные сценарии. Людам свойственно ошибаться. Чаще всего этим занимается Тот, Кто все делает безошибочно. Бывают, однако, и среди людей мудрецы, способные врачевать чужие раны странным способом. Когда один юный монах сильно страдал от блудной похоти, игумен попросил другого монаха, кузнеца, побить этого брата. Была инсценирована ссора, прозвучали обидные слова, и тяжелый кулак старшего брата прогулялся по шее младшего. Когда же побитый монах пришел к игумену жаловаться, начальник еще и отругал его, и выгнал вон с позором. Через два дня игумен посетил молодого брата. Тот лежал на полу весь в слезах, раздавленный скорбью и обидой. «Мучит ли тебя блуд, чадо?» – спросил игумен. «Какой блуд, отче? Я еле жив от обиды», – отвечал тот. Игумен скрыл в седой бороде невольную улыбку. Он не ошибся в выборе лекарства. Блуд отступил.

У нас нет таких игуменов, но есть Тот, Кто создал мир и миром управляет. Он растирает и смешивает составные части – порошки и травы – для горьких и полезных пилюль. И наши неприятности – не более чем лекарства, составленные умелой рукой. В этом смысле Он – настоящий Аптекарь. Не такой, как сейчас принято. Сейчас нет аптек. Наши аптеки – это лишь магазины с лекарствами. В настоящую аптеку ты приносишь рецепт, аптекарь лично для тебя сам (!) изготавливает необходимое лекарство в нужном количестве. Я помню во Львове такие фармацевтические заведения классического средневекового типа.

Но нынче – *O tempora!* (О времена! – *Лат.*) – редкостью стали и настоящие аптеки, и озаренные свеще игумены. Зато микстуры производятся, пилюли принимаются, больные выздоравливают. Хотя и не все.

Любителю жаловаться непременно будет еще хуже, чем сейчас. Чтобы этого не было, нужно немедленно прикусить язык и произнести слова, с которыми Златоуст окончил земную жизнь: «Слава Богу за все!»

Не все любят Златоуста, не все читали Платона, зато все слышали и рассказывали анекдоты. Один из них построен на подобной логике. Напомню тезисно. «Тесно жить? – Купи козу. – Какую козу? И так жить негде! – Купи, говорят, козу. – Купил. Хоть умри, жить не вмоготу. – Продай теперь козу. – Продал. Слава Тебе, Господи! Как без козы хорошо!»

От Платона, или от старшего брата, или из анекдота ты узнал об этом – не важно. Не важно, что читал. Важно, чему научился. Итак, любишь жаловаться – готовься пожить с козой, привязанной к кровати у изголовья. Чтобы впредь не жаловаться.

Мы живем не в теплых краях. Чтоб согреться и пропитаться, нам нужно затратить куда больше времени и сил, чем греку и египтянину. Однако наличие сандалий не делает философом автоматически, а наличие валенок автоматически из числа людей, способных к философии, не исключает. Можно и нам при всей загруженности найти часок, чтоб молча посидеть на лавочке возле дома или на балконе. Посидеть, подумать, понаблюдать, как ветки деревьев качает. «Все хорошо, все слава Богу. Мирен сон и безмятежен даруй ми. Ангела Твоего Хранителя послы, сохраняюща мя и соблюдающа от всякого зла».

Можно оградить комнату крестным знаменем на четыре стороны и заснуть сном спокойного и, значит, счастливого человека. Ведь, в принципе-то, все хорошо.

«Доколе ты будешь пьяною?»

Народ наш пьет много. Это трагедия. Если угодно – разновидность массового самоубийства или, по крайней мере, бесполезное прожигание жизней, потенциально талантливых и по числу стремящихся к бесконечности.

Чего стоит один лишь Барков Иван Семенович! Сын священника, ученик Ломоносова, талантливый переводчик Академии. На исходных – старт в небо. Но конец полета ужасен. Слава – от скабрезной поэзии, сколь легкой по стиху, столь и бесовской по смыслу. Все – ниже пояса, и все – под своими именами-ругательствами. Пьянство беспробудное. Самоубийство (по одной из версий) в возрасте тридцати шести. Способ прощания с жизнью кошмарен до неправдоподобия: в пьяном угаре падение в выгребную яму с последующим захлебыванием нечистотами. На прощанье записка: «Жил грешно – умер смешно».

На самом деле, ничего смешного. Горько и печально, что человек, которого ждет полет через тернии к звездам, совершает падение вверх тормашками в выгребную яму с летальным исходом. В этом жутком факте много печальной символики. И пока мы смотрим на Русь, как на птицу-тройку, воспетую Н. В. Гоголем, она сама смотрит на нас глазами композитора М. П. Мусоргского с портрета кисти И. Е. Репина.

Пусть не думает никто, что это – лишь наша национальная особенность, лишь наше родовое пятно. Думать так – значит лгать либо по невежеству, либо по злему умыслу. За много столетий до воплощения Бога Слова пророк Михей говорил о евреях: *Если бы какой-либо ветреник выдумал ложь и сказал: «я буду проповедовать тебе о вине и сикере [крепком напитке]», то он и был бы угодным проповедником для этого народа* (Мих. 2, 11).

В XVI веке эти же слова с гневом произносил Мартин Лютер применительно к немецкому народу и считал своих соплеменников алкашами. Отъявленными пьяницами называли англичан их земляк Шекспир и наш, Лермонтовым выведенный персонаж, Максим Максимыч. Любящих выпить и даже пьющих без меры народов на земле много. Чье-то пьянство бросается в глаза и становится подобием черты национального характера, кто-то пьет незаметно, но постоянно. Шотландцы сами о себе шутят, что владели бы миром, если бы Бог не придумал виски. Да и сегодня в Европе в пропорциях «чистый алкоголь на душу населения» первенство крепко держат «культурные» чехи, а не «полудикие» русские и не украинцы. Но, видимо, как-то по-особому пьет наш человек, что спивается быстрее и бесповоротнее и теряет себя, превращаясь в нечто не совсем человеческое. Да и пьянство пьянству рознь. Когда бравый солдат Швейк после семи бокалов пива раскраснелся в кабаке и шумно пускал ветры, то вроде так и надо. А вот Модесту Петровичу прибавить бы еще пару десятков лет к его коротким сорока двум. Так прибавил Бог пятнадцать лет к жизни царя Езекии ради молитвы Исаии-пророка (см.: 4 Цар. 20, 1–11). А за Модеста Петровича Исаия не молился, и никто не молился, а если и молился, то не смог отмолить. Жаль.

* * *

Пьянство – это карикатура на плоды Святого Духа. В день Пятидесятницы, когда огнеобразная благодать Духа сошла на учеников Господних, люди с насмешкой говорили: *они напились сладкого вина* (Деян. 2, 13). Митрополит Антоний (Блум) – мир душе его – говорил, что сходные черты в поведении выпившего и благодатного человека есть. Сходные, разумеется, для внешнего взора. Человек пьет, чтобы забыться, как и написано: *Дайте сикеру погибающему и вино огорченному душею; пусть он выпьет и забудет бедность свою* (Притч. 31, 6–7). Вино дарит временную легкость, забвение страданий, непринужденность в общении,

бесстрашие. Потом все это проходит, и тяжести усугубляются. Остается либо все время пить и находиться в иллюзорной действительности, либо трезветь и исправлять ситуацию. Получить же изобильную благодать означает обрести ту легкость, бесстрашие и земную беззаботность, которые внешнему взору нетрудно спутать с плодами обильной выпивки.

Так вот подсказка: может, наш народ потому так пьет горько, что по благодати тоскует? Он и сам не знает, отчего ему тошно так. Но сердце мимо участия головы тоскует по Богу и Царству Его, тоскует по благодати. Это, может быть, лишь догадка или даже выдумка. Это, быть может, попытка посреди самих грехов оправдание найти. А вдруг нет? Вдруг это не самооправдание, а одна из главных причин национальной болезни? Тогда-то ведь и лечить только можно, когда диагноз поставлен верно. Гипотетическая верность диагноза означает необходимость действенной проповеди и приобщения народа к евангельской радости. К той самой радости, о которой говорил Ангел в ночь Рождества: я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: *ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь* (Лк. 2, 10–11). Может, именно без этой радости народ и спивается, заглушая в себе тоску и чувство бессмысленности?

У любой болезни есть причина, как у любой проблемы – корень. Просто бросить пить вряд ли возможно. Нужно «зачем-то» бросить: ради исполнения заповедей, ради сохранения семьи, ради будущего детей, ради доведения до конца начатого дела. Иначе – зачем? Чтобы здоровеньким помереть? Чтобы из пьяного бездельника превратиться в трезвого бездельника? Чтобы собой гордиться? Кому-то эти мотивации и по плечу, и по душе, а русскому – навряд. Он мужик настырный и с сознанием параллельным. От его вопросов у дзен-буддистов просветление наступает. После часовой лекции он способен таким голосом спросить: «Ну и что?», что сам лектор в своей правоте усомнится. Потом мужик опять себе нальет, и не факт, что лектор ему компанию не составит. Короче, народ наш упертый и с разветвленной корневой системой. Если меняться согласится, то – до конца и до доньшка, плюс – с серьезной мотивацией. Ничего серьезнее нельзя ни придумать, ни вспомнить, кроме благодати Святого Духа. Ради нее надо отрезвляться, ради превращения себя из свиного хлева в храм Святого Духа.

* * *

О том, что пьянство и благодатное состояние можно перепутать, говорит не только упомянутый эпизод Пятидесятницы. Будущая мать пророка Самуила Анна, огорченная своим бесплодием, молилась Богу и тоже казалась со стороны пьяною. *...Как Анна говорила в сердце своем, а уста ее только двигались, и не было слышно голоса ее, то Илий [первосвященник] счел ее пьяною. И сказал ей Илий: доколе ты будешь пьяною? вытрезвись от вина твоего* (1 Цар. 1, 13–14). Женщина ответила, что не пила она вина или крепких напитков, что дух ее в ней огорчен и что молилась она от великой печали. Первосвященник благословил ее и пообещал, что прошение ее Богом будет исполнено. Вскоре зачат был Самуил.

Знаменательно: радуются люди при сошествии на них Святого Духа – и кажутся пьяными. Скорбит человек, совершая в сердце молитву, – и опять кажется пьяным. И в скорби, и в радости пьяным кажется человек, если он находится под действием благодати.

Наш народ давно считают народом пьяным. Мы сами с этим изрядно сжились и не стыдимся снимать фильмы и писать книги о своем пороке. Так лилипут работает в цирке, зарабатывая на жизнь собственным несчастьем. Даже если мы вытрезвимся основательно, то в силу одной лишь инерции мышления еще лет пятьдесят – семьдесят нас так и будут все ассоциировать не иначе как с ведром водки, снежными заносами и цыганскими песнями. Но дело не в этом. Пусть себе думают что хотят. Нам действительно нужно поменять образ опьянения. Если сегодня мы пьем угрюмо и убийственно, словно мечем на стол из рукава

последний метафизический козырь, то в будущем нам нужно научиться умной молитве и принять Духа всем существом. Тогда мы продолжим казаться пьяными, но это будет обманчивая видимость при благодатной внутренней жизни.

Будет ли так? Будет ли, Господи?..

Ведь правда же, что все наше извечное пьянство – лишь выражение тоски по иной, настоящей, жизни! Ведь это же просто бегство от действительности, корявое бегство, конечно, но доказывающее одну очень важную мысль, а именно: этим миром сыта душа не будет, сколько ты этот мир не перестраивай и не усовершенствуй.

Именно это и значит наше пьянство. Оттого и Мусоргский на портрете Репина смотрит не в лоб, как баран на новые ворота, а – вверх и в сторону. Загадочно смотрит, быть может, туда, откуда звуки вечной гармонии льются.

Было время, когда Гоголь спрашивал Русь: «Куда несешься ты?» А она – «не дает ответа».

Будет, быть может, время, когда Господь спросит Русь, как во время оно спросил Илий Анну: *Доколе ты будешь пьяною? вытрезвись от вина твоего.*

А она скажет: *нет, господин мой... вина и сикера я не пила, но изливаю душу мою пред Господом* (1 Цар. 1, 15).

Грехи малые

Нужно опасаться малых грехов и нельзя пренебрегать малыми добрыми делами. Это прописная истина. О ней сказано немало, причем людьми праведными, такими как архимандрит Иоанн (Крестьянкин), который посвятил этому книгу «О малом доброделании». Но можно ведь, можно и должно говорить об одном и том же разным людям, в разное время. Не нужно думать, что все самое важное уже сказано, например людьми святыми. Во-первых, не все сказано, во-вторых, сказанное однажды требует многократного повторения. В-третьих, в мире не существует чистого плагиата. Даже дословно повторяя чужие мысли, я, пропустив их через себя, превращаю эти мысли в свои собственные. Итак, вернемся к грехам и добродетелям.

В мире нравственности затруднен счет. Иногда счет в мире нравственности просто невозможен. То есть качество в этом мире есть, а о количестве говорить не всегда удается. Положим, человек бросил на пол кусок хлеба. Бросил и не поднял. Не обдул, не поцеловал, не сказал: «Господи, помилуй». Такой человек тяжко согрешил. Он проявил черствость, глупость, неблагодарность своей души, свою непричастность к повседневному труду как нельзя ярче. Можно ли здесь вести речь о размере куса хлеба? Есть ли разница, кусок этот велик или это только корочка? Конечно, нет. Грех совершен в принципе, и неважно, сколько граммов в хлебе, которым пренебрегли.

Граммы могут стать фактором нравственности в других условиях. В блокадном Ленинграде человек, отрезавший ниткой от своей пайки крошечный кусочек для ближнего, достоин называться именем святого. Вот там граммы входят в область нравственности и подсчитываются. А в нашей повседневности что буханка, что горбушка – разницы нет. Нет разницы, если и ребенок при родителях бросает на землю недооженный бублик, а взрослым до этого дела нет. Чтобы назвать грех грехом, граммы подсчитывать не надо.

По телевидению не раз показывали, как возмущенные своими правительствами фермеры в разных странах Запада устраивают демонстрации. Они съезжаются на площади городов на тракторах, запруживают техникой магистрали. Нередко демонстративно выливают на асфальт сотни бидонов молока в знак того, что производить его невыгодно. Всегда больно смотреть на это безумие, у которого есть экономическое оправдание. Каждый пятый человек в мире голодает на всякое время и на всякий час. А где-то кто-то находит более выгодным с точки зрения рентабельности высыпать в море сотни тонн зерна с неразгруженной баржи.

Прибыль бесчеловечна, как Молох. У нее своя, идолопоклонническая, логика. И вот я думаю: бросивший наземь кусок бутерброда человек и бизнесмен, уничтожающий тонны продуктов ради рыночной целесообразности, сильно ли отличаются?

Баржа с зерном соотносится с горбушкой хлеба, как слон с мухой. Но вот люди, совершающие эти поступки, равны.

«Украл рубль» и «украл миллион» – между этими понятиями можно ставить знак равенства. Миллион отличается от рубля. Но в обоих случаях стоит «украл». От этого слова, как от умножения на ноль, исчезает разница между величинами. Величины становятся равными.

Кстати, раз мы вошли в область математики, пребудем в ней еще ради одного примера.

Мораль причастна Богу и прикасается к вечности. Это все равно что выйти в область бесконечного, у которого совсем иные математические законы. Возьмем множество натуральных чисел от одного до ста. Теперь возьмем множество натуральных чисел от одного до ста, которые делятся на два. Какое из этих множеств будет больше? Естественно – первое. Оно больше ровно в два раза. Теперь возьмем бесконечное множество натуральных чисел с одной стороны и бесконечное множество натуральных чисел, делящихся на два, с другой.

Какое из этих множеств будет больше? Никакое! Они равны! Бесконечность и там, и там. И это значит, что обычный счет закончился.

Так же как математика, говоря о бесконечности, попадает в область иных законов, так и человек, говоря о морали, о грехах и добродетелях, попадает в иную область – туда, где маленькое стоит столько же, сколько и большое.

Вот теперь можно приблизиться к пониманию катастрофы, бывшей в раю, к грехопадению.

Судя по-мирски, чего такого страшного сделали эти первые люди? Такой ничтожный грех – и такое суровое наказание! Где же возвещаемая любовь, если Бог так суров? Но дело как раз в том, что малое равно большому там, где речь идет о грехах. В грехе прародителей, как дуб в желуде, уже были сокрыты все грехи последующего человечества.

Понятен и евангельский максимализм, называющий прелюбодеем уже того, кто с вожделением смотрит на женщину. Грех, незримо совершаемый в духе, равен греху, вырвавшемуся наружу и ставшему видимым. Поэтому судимы мы будем не по делам, а по тайне сердца. ...*В день, когда, по благовествованию моему, Бог будет судить тайные дела человеков через Иисуса Христа* (Рим. 2, 16) – так об этом говорит апостол Павел.

Понятно, почему плакали о себе, как о последних грешниках, ушедшие подальше от мирских жилищ подвижники. Видя в себе семена греха, они прозревали в этих семенах жуткие плоды, просящиеся наружу, и это зрелище рождало нескончаемые слезы.

Итак, малое равно большому, и это смиряет нас при разговоре о грехах.

Но эти же мысли утешают нас при разговоре о добродетелях. Утешают, поскольку понятными становятся слова Господа о стакане воды, подав который человек не потеряет своей награды. Становится понятной похвала бедной вдовице, положившей в сокровищницу церковную две мелкие монетки. В отношении добродетелей закон тождества между малым и большим работает с той же безотказностью.

Выводы из сказанного всяк человек способен сделать для себя сам.

Это может быть решение не браться за великие дела, но с большой любовью делать дела маленькие.

Это может быть пересмотр своей жизни на предмет обнаружения привычных греховных мелочей и попытка с ними расстаться.

В любом случае это должно быть увеличение серьезности в отношении к жизни и внимания к себе.

Не нужно творить ничего великого, чтобы спастись. Не нужно творить ничего циклопически страшного, чтобы отпасть от Бога. И для того, и для другого довольно дел бытовых, незаметных, маленьких. Маленьких для нашего повседневного испорченного зрения и обретающих истинные масштабы при улучшении зрения под действием благодати.

Горькие плоды цивилизации

Человек красив и велик, только если думать о нем, сидя на месте. Стоит спуститься в метро – и величие уступает место состраданию. Сострадание рождается при виде суеющегося, волнующегося моря голов. Редкая пара глаз в этом море сияет радостью или вообще сияет. А ведь должно, казалось бы, быть наоборот. Метро – это ли не очевидное доказательство человеческого гения и коллективного всемогущества? Но доказательства доказательствами, а сердце не обманешь. Как древний царь по имени Пирр, одерживавший победы столь великой кровью, что их нельзя было отличить от поражений, наша цивилизация победила кое-какие земные проблемы, но тоже заплатила слишком много.

Цивилизация обещала человеку счастье. Но вместо этого подарила ему стиральную машину и оставила несчастным. Величие изначальных обещаний находится в таком издевательском контрасте с действительностью, что слезы на глаза наворачиваются.

С тех пор как человека теоретически и наукообразно приравнивали к животным, а обо всем, что «по образу и подобию», стали умалчивать либо раздражаться бранью, человека стоит считать **теоретически убитым**. Или **идейно убитым**, как кому нравится. Вера в животное происхождение человека со всей логической необходимостью должна предшествовать появлению газовых камер и абортных клиник. Нужно на уровне идей лишить человека претензий на вечность, объявить его «случайностью» и «мясом» – и всё. Можно уничтожать людей промышленным способом, имея в кармане лицензию на соответствующую деятельность.

Уничтожать можно по-разному. Не только при помощи оружия. Вы уверены на все сто процентов, что химическая, фармацевтическая и пищевая промышленность не являются звеньями в цепи хитро задуманного плана по контролю за численностью населения? С ответом не спешите.

Итак, если оставить на время за скобками литургию, Евангелие и покаянную боль (а их надо на время оставить за скобками, чтобы понять, как живет большинство наших братьев и сестер), то получится, что человеку можно жить, только ни о чем «таким» не думая. Стоит подумать – как тут же волком завоешь. Пробуждение души без одновременного утешения ее Евангелием – дело опасное. Недаром умнейшие люди до Христова Пришествия либо с ума сходили, либо самоубийством заканчивали, либо придумывали модели идеальных обществ, очень похожих на апробированные в недавнем прошлом концлагеря.

Время ускоряется, темп жизни взвинчивается, и это значит, что внутренняя энергия человека оскудевает. Мечется пустышка. Мечется носимый ветром пустой целлофановый кулек. Где есть глубина и основательность, там есть неспешность и неторопливость. Они **поспешают медленно**, эти серьезные люди, и оставляют по себе плоды разумной и культурной деятельности, которая будет питать следующие поколения. Мы же скачем, ничего серьезного не создавая, но только тратя, проматывая, проедая накопленное.

Пирамиды больше построены не будут. Не потому, что кишка тонка в плане денег, машин, технологий. Кишка тонка в плане грандиозности переживаний, связанных с загробным миром и вечностью. Чтобы строить пирамиды, нужно тысячи лет думать об этом не отвлекаясь. Мы устанем думать уже на второй минуте, а может, и вовсе думать откажемся.

Вместо «бесплодного думанья» мы будем фотографироваться. Фотографироваться на фоне Сфинкса, Кёльнского собора, Ниагарского водопада... Это придаст нашей жизни иллюзию приобщенности к «высокому», а может, и оправдает существование сфинксов, соборов и водопадов...

Как давно я хочу высказать все, что думаю о той разновидности любви к себе, которая называется «любовью к фотографии». Но не буду. Не буду, поскольку придется рассориться без малого со всем миром.

В детстве, помню, любил древнюю историю. И книжку школьную помню, даже запах ее. Помню некоторые иллюстрации, например «Разрушение Коринфа» или «Бюст Перикла». И еще помню удивление при виде изображения ткацкого станка с подписью «Примитивный ткацкий станок». Я смотрел и думал: «Чего ж тут примитивного? Я б такое в жизни не додумался сделать».

Сколько раз с тех пор я читал и слышал, как люди отзываются о прошлом, очень и не очень далеко, с неизменным презрением. «Посмотрите, какой век на дворе!» – кричат они. Причем громче всего кричат, когда хотят что-то красивое в жизни заменить на подделку. Они будут кричать о магии цифр и на основании хронологии будут требовать отмены классической морали. Ну не гадость ли?..

Когда мыслители прошлого мечтали о будущей свободе человека, о его предназначении и высоком творчестве, когда создавали свои прекраснотворческие теории, разве могли они предполагать, что любовь к греху в человеке сильнее, чем любовь к творчеству? Разве могли предполагать, что хам, лишившийся своих оков, не полюбит тут же весь мир, а станет тыкать волосатым кулаком с фиолетовой надписью «Вася» в лицо тем, кто не способен дать сдачи? Не могли предполагать. Поэтому мы на них и не в обиде. Хотя должны были предполагать. Должны были смотреть внутрь, вглубь, а не скользить взглядом по верхам. Подражая поверхностным мыслителям древности, и нынешние болтуны не утруждают себя анализом, а чертят по линейке хронологию мировой истории так, как бывшие колонизаторы чертили по линейке границы государств на карте Африки. В прошлом – тьма, в прошлом – мрак, а у нас – свет, разум, тепло и победа над невежеством. Да поглядите ж вы, что сплошь образованные туристы рисуют мелом на скалах или вырезают ножиком (!) на деревьях! Вы хоть раз современные наскальные шедевры видели, оленей там или бизонов? Нечто подобное открытиям во Франции видели? А ведь рисовать в школе все учились.

Умолчим о том, что вы видели. Кто дикарь? Кто дикарь, я вас, господ прогрессистов и цивилизаторов, спрашиваю?

Суэта крутит человека, как центрифуга. Глупость мешает думать масштабно. Что вижу, о том пою. Гордость понуждает любить себя даже в настоящем виде, хотя, по совести, стоило бы стыдиться. Суэта плюс гордость да плюс глупость равняется полному помрачению разума. Царство антихриста будет питаться этим.

Я читаю жития святых или их поучения. Отрываясь от книги, гляжу в окно. Взгляд у меня, наверно, такой же грустный, как у тех птиц, которых давным-давно я видел в зоопарке. Мощные птицы в большом, высоком вольере смотрели на всякую мелочь типа воробьев и галок, которые свободно улетали за ограду и свободно прилетали сюда. Так и мы сегодня.

Я могу полететь в Египет, но это никак не приблизит меня к святым Антонию и Макарию. Можно поехать и в Рим. Но фонтаны, музеи, рестораны, пиццерии будут важнее и интереснее, чем катакомбы. Увы! Можно и в Киеве, проживши многие годы, не знать названия главных храмов и ни разу не спуститься в святые Пещеры.

Но зато у меня есть холодильник! Если поставить его в любую из тех хат, что стоят, например, в Пирогове, то эффект будет равен появлению вертолета во время Куликовского сражения.

Значит, все же я – богач. Все же есть чем гордиться.

Средневековый человек

«Я смешной человек» или «я человек из подполья» – так зачастую высказывался о себе герой Ф. М. Достоевского. Заставляя своего героя говорить о вещах скрытых, но важных, Достоевский обращался его языком к тому читателю, который никак не считал себя смешным или же сидящим в подвале. Но, вчитываясь, он должен был с удивлением найти между собою – солидным человеком – и человеком из подполья родственные черты.

А я вот средневековый человек. Как вам такая фраза? Находите ли вы родство с ней? Вы, у которых в кармане – iPhone, на столе – компьютер, а во дворе – японский автомобиль? Цивилизованные в электрическом свете, мы можем быть вполне доисторическими в ночной тьме. Но я не за бессознательное дикарство. Я за сознательный мир внутреннего человека. Однако попробуем расшифровать «средневекового человека».

* * *

Небеса для меня не мертвы. Они живы и дышат. Они внемлют голосам, раздающимся с земли. Оттуда, с Небес, приходят заслуженная кара и щедрое благословение. Самолеты, летающие по небесам, на дело не влияют, поскольку летают вовсе не по тем Небесам, откуда приходят кары и благословения.

Добро и зло существуют реально. У ада с Небом война. Земные дела, прочитанные под этим углом зрения, дают изобильную пищу для размышлений.

Загробный мир реален не менее, чем мир «предгробный». Бог царствует в мире, он словно центр круга. Все, кто служат Ему, приближаются к центру и одновременно – друг к другу. Все, кто удаляются от Него, улетают на периферию и далее, под действием силы центробежной – вон из круга *во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов* (Мф. 8, 12).

Вот вам очень краткий перечень средневековых мыслей, могущих жить в человеке независимо от наличия у него в кармане iPhone. Да, чуть не забыл. Средневековый человек верит (знает, чувствует), что вся земная реальность подобна спектаклю, который однажды придет к концу. Зерна отделятся от плевел. И средневековый человек очень не хочет улечься далече вместе с плевелами, уносимыми ветром, но хочет быть пшеницей, собранной в Небесную Житницу.

* * *

Изложенные мысли – не модерн и не постмодерн; это средневековые мысли в их классическом понимании. Они изложены кратко, но, надеюсь, верно.

Мое предложение заключается в том, чтобы со спокойной совестью пользоваться достижениями цивилизации, но в глубине сердца жить простыми средневековыми смыслами. Все великое и красивое, все, чем гордится человечество, задумалось и вымолилось именно в средневековых келлиях и мастерских. Средневековое мировоззрение делает человека многомерным, загадочным и нравственно ответственным, тогда как современные мировоззрения делают его сыном случая или обезьяны, жилищем глистов и наконец – пищей червей. По пути из роддома в могилу современные мировоззрения развязывают руки «случайному человеку» и толкают его на все что угодно, ведь, шепчут они, отвечать за прожитое некому.

«Я средневековый человек». Это звучит не смешно и не запоздало. Если вдуматься, то это звучит более гордо, чем глупый писк «я современный человек». Раз я живу в этом времени, то я по необходимости современный человек. О чем тут спорить и где здесь заслуга? Но выбор смыслов и нравственных приоритетов остается за мной, и в этом выборе я вовсе не хочу быть современным человеком. У меня есть варианты получше. Как вполне современный человек, я недавно приехал на метро к Боровицким воротам и совершенно современно расплатился за билет карточкой. Но уже как совершенно средневековый человек я вошел в Кремль и молился у Царского места в Успенском соборе, у гроба святителя Ермогена, у княжеских гробов в Архангельском соборе...

Так, собственно, я стремлюсь поступать всегда: не спорю с действительностью, которая мигает рекламой и одевает меня в синтетику, но стараюсь думать и говорить исходя из того, что рай и ад – реальности, за гробом продолжается жизнь. Бог царствует над миром полновластно и утаенно. Утаенно, то есть не для всех явно, ради нашей веры в Него. *Праведный верою жив будет.* (Рим. 1, 17).